

Мусорщик. Мечта

Автор:

Евгений Щепетнов

Мусорщик. Мечта

Евгений Владимирович Щепетнов

Новый фантастический боевик (Эксмо)

Заброшенная на краю Галактики несчастная планета Сирус давно уже стала вселенским кладбищем отвоевавших свое, списанных звездолетов. Впрочем, есть на Сирусе и вполне благополучный Город, вот только обитателям Внешки, пристанища мусорщиков, живущих лишь тем, что удастся отыскать в мертвых кораблях, от этого не легче. Ведь их судьба – до конца дней своих рыться в старом металлоломе. С этой участью не может смириться Ник – сын отверженной мусорщицы и залетного космонавта. Ник мечтает о полете к звездам в поисках планет, где жизнь не столь беспросветна. Вот только путь к осуществлению мечты ох как не близок...

Евгений Щепетнов

Мусорщик. Мечта

Разработка серийного оформления В. Матвеевой

В оформлении переплета использована работа художника

О. Горбачика

© Щепетнов Е.В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Сегодня ему повезло. В давно уже ободранном почти до голых стенок корабле Ник умудрился найти исправный энергоблок! Небольшой, тот, что используется в основном для боевых скафандров и для техники, вроде двухместного глайдера, он спокойно лежал в одной из кают, в тайничке, устроенном в стене, там, где когда-то стояла противоперегрузочная кровать. Кровати уже давно нет: ее сняли то ли еще на родной планете, то ли мародеры здесь, на Сирусе, но почему-то никто не догадался простучать стену там, где она стояла. А вот Ник догадался! Потому, что он умный! Потому, что знает, где и как следует искать!

Это на самом деле большая удача. Ему давно так не везло. Попадается все больше какая-то хрень вроде мелких энергоблоков для бластеров, да и то наполовину сдохших. Ну что за них можно выручить? Пару кредитов, не больше. А что такое пара кредитов? Кусок хлеба из конвертора, кусочек мяса из конвертора и бутылка воды из конвертора. Вот и все. С голоду не сдохнешь, но и особо не разживешься.

Впрочем, Ник не жаловался: бывает и хуже. После смерти матери он вообще с неделю голодал, чуть не подох. Хозяин мебелишки выселил на улицу, выкинув все, что было в квартире, к порогу, и побрел Ник куда глаза глядят. Вернее, туда, куда его глаза глядели уже десять лет.

Таких, как он и его мать, на Сирусе превеликое множество. Мелкие крысы, растаскивающие то, до чего еще не дошли руки хозяев космического лома, заполнившего все пространство вокруг перерабатывающих добычу заводов.

На Сирусе был всего лишь один материк, да и материком его назвать можно только с натяжкой, – остров, выпирающий из бесконечного океана, пятьсот на семьсот километров шириной и длиной. Остров, лишенный какой-либо растительности, голый, мерзкий, покрытый этими заводами и металлическим

мусором.

Мертвые корабли. Они были везде – до самого горизонта. По закону Звездной Империи, бросать в космосе отжившие свой век корабли категорически запрещалось. То есть, если корабль устарел, сдох, разбит или наполовину уничтожен в бою, не могли его оставить на орбите какой-нибудь из планет. Ты должен или продать его старьевщику, который разберет корабль на запчасти, а корпус оттащит на Сирус или подобную Сирусу планету или же сам вынет из звездолета все, что представляет какую-либо ценность, и так же оттащит корпус на ближайшую космическую свалку-разборку. Здесь, когда дойдет очередь, корабль деактивируют, распилят на части, расплавят и уже готовый металл, в брусках или в листах, отправят куда-нибудь в центр (а может, на периферию) Империи, где из этого металла сделают новые корабли, которые в конце концов снова окажутся на этой или другой свалке.

Империя огромна, тысячи и тысячи звезд, сотни миллиардов людей и тысячи тысяч кораблей. А корабли умирают так же, как люди, и Сирус был кладбищем этих самых кораблей.

У людей свои кладбища, у кораблей свои. Только вот вместо могильных червей, «перерабатывающих» людские останки, у кораблей такими червями были сами люди, ползающие по телам этих стальных гигантов.

Здесь были и одноместные истребители, которым не повезло в межпланетной схватке, и транспортники, в которых могут уместиться тысячи таких истребителей.

Чего тут только не было! Каких только звездолетов! Самым интересным кораблем, в котором пришлось побывать Нику, был иглоподобный крейсер класса «Мрак», в котором зияла дыра диаметром метров пятнадцать. С него были сняты все мегабластеры, все ускорители и двигатели, от его былой красоты и мощи не осталось почти ничего, но, если чуть прищурить глаза и посмотреть на корабль сквозь возникшую пелену, можно было представить, что крейсер все еще жив-здоров, что сейчас он включит свой разгонный блок и с тонким, стонущим звуком уйдет в небесный зенит, стройный, прекрасный, недостижимая мечта мальчишки-мусорщика!

О... если бы он мог! Как ему хотелось вырваться с этой проклятой планеты! Туда, где сияют мириады звезд! Туда, где в прекрасных мирах живут прекрасные люди! И не только люди... миллиарды разумных существ, гораздо лучших, чем люди!

...Ник вздохнул, положил энергоблок в безразмерный рюкзак, который всегда был у него за спиной, и побрел по темному коридору, стараясь не споткнуться о куски обшивки, некогда вырванные из стены могучим ударом мегабластера.

Это был сравнительно небольшой рейдер-перехватчик, команда которого обычно состояла из десяти человек. Пять кают, рубка, машинное отделение, трюмы, склады – обычный боевой корабль, устройство которого Ник знал едва ли не лучше, чем строение собственного тела. Волей-неволей будешь знать, всю сознательную жизнь проведя на этой проклятой свалке.

Да и кроме того, у каждого мусорщика имеется какой-никакой, а видон, с которого можно зайти в сеть. Без видона ни в магазине ничего не купишь, ни в автомате-конверторе ничего не получишь. Только видон с выходом на свой личный счет, открыть который можно уже с десяти лет от роду. Нику же исполнилось шестнадцать.

Вообще, на свалке больше всего было именно военных кораблей. Почему? Это просто: мирный корабль, если тщательно следить, может служить не то что десятилетия – сотни и сотни лет! Меняй двигатели, подновляй верхний слой обшивки, модернизируй потихоньку – и будет летать звездолет если не вечно, то очень-очень долго!

Иное дело вояки: работают на максимальных нагрузках и двигатели, и генераторы защитных полей. Особенно в бою. Ну а если попадание – тогда уже все. Конец.

Ядерная боеголовка жажнула – все заражено.

Мегабластер шарахнул, пробил системы – заражено ядом из системы охлаждения, а то и разнесло свою же боеголовку, и весь обогащенный уран и плутоний растащило по судну. Ну да, их потом кое-как дезактивируют, но кто будет вычищать до конца? Кому это нужно? Сняли движки, сняли оборудование, до которого добрались, – и в последний путь, прощай, корабль! Отправляйся в

Светлый Путь!

Опасная работа у мусорщика. Очень опасная. Мало того, что на корабле может быть смертельный уровень радиации, так еще и всяческая зараза, занесенная из других миров. Но и этого мало – были случаи, когда в недрах корабля просыпались незамеченные в обломках содержимого корпуса автоматические лучеметы и разносили мусорщика в клочья – «несанкционированное вторжение».

Или вдруг откуда-то вылезали боевые роботы – они ведь бывают совсем маленькими, с крысу размером, но эта крыса убьет лучевиком так же эффективно, как то же самое сделал бы патруль охраны. Или вонзит в ногу отравленную иглу, после чего будешь медленно умирать в брюхе давно уже мертвого корабля, парализованный, зная, что никто и никогда тебя не найдет. А если и найдет – шанс, что у него окажется противоядие, ничтожен. Автоматические аптечки у мусорщиков – это из разряда сказок. Аптечка стоит столько, сколько мусорщик не заработает за всю свою жизнь.

И еще – патрули – они вначале стреляют, а потом смотрят, кто это там пробрался на кладбище кораблей. Им премии дают за каждого пойманного или убитого мусорщика. Кстати сказать, что за пойманного, что за убитого – цена та же. Только с пойманным хлопот больше, а значит... Ладно еще, если мусорщик – какая-нибудь девчонка. Поймают, изнасилуют, если понравится – могут и жизнь сохранить. Отвезут в контору. Но, скорее всего, нет. Брезгуют мусорщиками. А если она излучает? Если уже превратилась в мутанта? Сунешь в нее... а у нее там зубы! Вот тогда и пожалеешь, что не пристрелил сразу.

Брехня, конечно, насчет зубов, но насчет обычных мутантов чистая правда. Только мутант может выжить в этом железном «лесу». Тот, кто видит в темноте, тот, кто лучше слышит, тот, кто выносит уровень радиации, от которого любой иномирнин сдохнет, теряя волосы и сочась кровью из разорванных пор.

Плохая планета этот Сирус. Хуже, наверное, нет во всей Вселенной! И никуда с нее не деться – карантин. Сирусян, мусорщиков, да и не только мусорщиков, не выпускают с планеты. Есть такой указ Председателя Аванской Конфедерации... Даавний указ. Уже никто и не помнит, почему давно уже покойный Председатель того времени принял подобное решение несколько сотен лет назад, но только факт есть факт – ни один из сирусян не вправе покинуть планету. Никогда. И ни под каким условием. Звезды не для них!

...Ник посмотрел вокруг. Трюм корабля не был большим – скорее всего, он принимал только пару боевых одноместных глайдеров да пару боевых роботов, больше сюда просто не влезет. Рейдер – не десантный корабль. Он барражирует пространство между планетами, перехватывая чужаков и уничтожая агрессоров. Если сможет, конечно. Он должен заметить вторжение, передать информацию подпространственной связью и вступить в бой, чтобы хотя бы на время связать часть армады вторжения, не дать обрушиться на планету мощью всей их эскадры.

Глупо, конечно. Ну какой смысл в том, чтобы бессмысленно погибнуть, вступив, к примеру, в противостояние с линкором? Эдакой небольшой рукотворной планетой, если его можно так назвать (конечно, линкор делали не руками, роботы старались, но просто так принято говорить об изделиях цивилизации – «рукотворный»). Залп линкора уничтожает все живое на целой планете, такой, к примеру, как Сирус! Сдувает с него атмосферу! Испаряет моря! И что с ним может сделать рейдер-перехватчик?

Глупость, точно глупость! Но факт есть факт. Вне зависимости от предположительного исхода дела рейдер должен вступить в бой с армадой врага. Все. Хоть ты сдохни!

И сдыхали. Как этот рейдер, нашедший упоение на мусорной свалке. Зараженный радиацией выше носа, Ник чувствовал, как пощипывает его кожу и она нагревается, будто под лучами горячего сирусянского солнца. Хорошо, что у него такой организм, иначе бы давно загнулся.

Хотя и нет никакой уверенности в том, что когда-нибудь не загнется. Как загнулась его мать. Она была почти такой же, как Ник: неплохо видела в темноте, чувствовала радиацию, вот только болезнь перенести не смогла. Ник выжил – она нет. Что это такое было – да кто знает? Кто станет изучать инопланетные болезни, какой дурак? Кому хочется подохнуть от того, от чего, возможно, не спасет и даже аптечка? Только не заводским врачам, это точно. Повышенная температура, рвота, судороги, потеря сознания и... крышка! Конец. «Желтая лихорадка» – так это называют. Но под эту категорию может подойти все, что угодно. Любая болезнь с похожими симптомами.

Он похоронил маму тут же, на кладбище кораблей. Положил в пустой контейнер из-под маршевого энергоблока и закопал возле старого-престарого корабля, давно уже вросшего в почву так, что наверху виднелся только покрытый

шрамами металлический купол. Этот корабль никто никогда не тронет, не отправит на переплавку – дешевле взять другой, «помоложе», так что мать уже никто не потревожит. Даже черви. Здесь нет червей. Здесь ничего нет. Только старое железо, смерть и мусорщики.

Выбравшись из корабля, глянул на небо – солнце стояло еще высоко, время примерно чуть за полдень. Можно успеть в лавку к скупщику. Если шаг прибавить, конечно!

Пошел, почти побежал. Не напрямую – кроме патруля, есть еще такая беда, как Сегвар со своей бандой. Они болтаются возле свежих кораблей, где поживы побольше. Наткнешься – могут и накопитель отобрать. И ничего не сделаешь: кому идти жаловаться? Патрулям? Смешно даже. На мусорке нет закона. Здесь ничего нет, кроме железа, мусорщиков и смерти!

Ник вдруг подумал о том, что было бы, если бы мать не уволили с завода. Он учился бы в закрытом Городе, в хорошей школе, ел хорошую пищу, пил хорошую воду. А возможно, устроился бы на работу, – ведь он уже большой! Взрослый, по меркам Сируса! Когда мать взяли на работу, ей тоже было шестнадцать лет. Она стала оператором цеха переработки – хорошая, чистая работа. Сиди себе, смотри на экран и контролируй процесс. Читай, учись – времени завались! Хорошая квартира, а то и дом, а когда выйдешь на пенсию – живи в свое удовольствие! В закрытом Городе даже трава есть! И деревья! Ник никогда не видел этого, но мать рассказывала – есть! И даже фонтаны. Пресной воды – фонтаны!

Ну зачем, зачем она связалась с этим космолетчиком?! Зачем?! Проклятый, мерзкий инопланетник! Папаша, понимаешь ли! Заделал ей ребенка и свалил! А ее уволили. И все. Вся жизнь под откос. Выгнали! Как будто дерьмо слили в унитаз, и все тут! А нельзя заводить детей без спросу. У тебя контракт. Пять лет – никаких детей, никаких браков. Работай, потом подавай прошение, и тебе (может быть!) разрешат завести ребенка. Или не разрешат, если у Города есть необходимость в таком специалисте еще на пять лет.

Мерзкие, ну какие мерзкие воспоминания! Что может делать молодая женщина, у которой заканчиваются деньги, а на руках остался младенец? Идти в мусорщики? С младенцем? Шлюха!

Да. Она зарабатывала ТАК. И Ник ее не винит. Вообще, как может он ее винить? Свою мать? Она пропустила через себя сотни, а может, и тысячи грязных, грубых мужиков, чтобы его прокормить, чтобы вырастить, поднять! И как только он окреп, ушла в мусорщики. Она не шлюха, нет! Просто вот так все сложилось. Так сложилось...

Ника передернуло – он снова вспомнил. Шепот, грубый голос, вскрики, всхлипы, стоны. Синяк на щеке у матери. Запах подгоревшей псевдояичницы. Псевдомолоко, безвкусное, но полезное организму Ника. «Пей, а то зубы не вырастут! Чем будешь жевать?» «Ешь! Вырастешь большим-пребольшим! Станешь помогать мамочке! Мамочка будет старая, а ты сильный, мужчина!»

Проклятая планета! Лучше бы ее дотла разбомбили! Лучше бы здесь вообще ничего не осталось!

Когда-то здесь находилась военная база – очень, очень давно! Сотни лет назад. Разразилась война между звездными скоплениями, и базу накрыли ударами тяжелых крейсеров. Она выдержала, проклятая база, но... почти все люди погибли. Потом много лет пустовала, была законсервирована, и вот решили – быть на планете кладбищу кораблей! Благо основа есть, та самая база, в которой и трудяги-роботы, и конверторы, и все, что нужно для строительства перерабатывающих металл заводов. И самое главное – почти нетронутый космопорт, способный принимать сверхтяжелые грузовики. Вот так и зародился Город.

А вокруг Города, за Периметром – те, кому в нем не нашлось места. Изгнанники. Преступники, сумасшедшие, просто люди, которые не хотели жить по его законам. Внешний Город – Внешка. Номинально живущий по тем же законам, что и внутренний, но отличающийся от него, как грязная лужа от кружки с чистой водой. Потерять место в Городе легко, а вот вернуться назад практически невозможно. Там своих хватает, зачем им мусорщики?

Как такового забора вокруг мусорки не было – только дорога, над которой время от времени пролетали дроны патруля да сами патрули проезжали на здоровенных бронированных машинах. Летать непосредственно над мусоркой запрещалось, как, впрочем, и по ее краю. Корабли – сложные штуковины. Где гарантия, что из них изъяли все защитные механизмы? Вырвали все позитронные, а то и человеческие мозги? Да и бластеры, если честно сказать, иногда ленились снять. С виду он вроде неработающий, да и энергии нет, а

полежит десяток лет, насосет в накопитель от солнечных лучей, да и выдаст импульс – может, и не спалит пролетающий над ним глайдер, но уронит наземь – это точно. А уж кто выживет при этой посадке – тут дело случая. Рассказывали, что такие случаи бывали, и даже не раз. После этого и запретили летать над кораблями. Что мусорщикам очень даже на руку, иначе пришлось бы ползать по территории только ночами.

Дроны тоже не летали над мертвыми гигантами – по той же самой причине. Дрон денег стоит, и очень даже немалых. Вдоль дороги, на уровне человеческой головы – это всегда пожалуйста, выше – уже опасно.

...Ник опустился на землю, ловко подполз к канаве, отгораживающей дорогу и территорию здешней мусорки. Прислушался. Тихо! Ни хруста щебня под огромными колесами «патрульки», ни потрескивания дрона-глайдера, несущегося вдоль дороги. Если бы эти проклятые глайдеры не трещали в полете, от них совсем не было бы спасу. Но Вселенная не позволила сделать их совершенно бесшумными. Мелкие синие искорки, возникающие при работе поля антигравитации, издавали характерные щелчки, слышные за несколько сот метров, если у тебя хороший слух. А у Ника был хороший слух. У всех мусорщиков хороший слух, потому что мусорщики с плохим слухом давно повымерли. Если бы в этих глайдерах стояли антигравы последнего поколения, они бы не трещали и все было бы гораздо хуже. Но слава Вселенной, эти древние тарелки, летающие тут десятки лет, никто не собирался менять на новые!

Честно сказать, если бы на самом деле хотели прикрыть доступ к мусорке – сделать это плевое дело. Поставь нормальные патрули, пусть хорошие дроны-глайдеры, да не жалея их – пускай летают и над мусоркой! И тогда заниматься мародерством будет практически невозможно. Даже ночью. Дроны считывают тепловые образы и быстро выловят всех мусорщиков. Или расстреляют на месте. Только вот никому это не нужно. Совсем никому!

Во-первых, большинство лавок скупщиков принадлежит руководителям Города. И все финансовые потоки, которые текут через эти самые лавки, исправно пополняют карманы высших чинов Сируса. Об этом знают не все, да и доказательства найти трудно, но это именно так.

Во-вторых, ну вот хорошо – перекрыли. И что тогда делать мусорщикам? Что делать десяткам тысяч тех, кто подбирает крошки, не собранные другими

«тараканами»? Помирать с голоду? А может, тогда взять и рискнуть? Напасть на Город, вырезать всех, кто там проживает, и забрать все, что принадлежит тем, кому оно принадлежит не по праву? Если все равно подыхать?

Мать всегда говорила, что структура общества Сируса не такова, какой она кажется с первого взгляда. И что происходящий хаос на самом деле совсем не хаос. Или так – управляемый хаос.

Город может обеспечить комфортную жизнь определенному числу людей. Тех, кто нужен для бесперебойной работы автоматических заводов: инженеры, настройщики, программисты, охранники и т. д. Тех, кто обслуживает космопорт. И тех, кто уже не работает, но заработал себе на пенсию – не будешь ведь выгонять за периметр своих отца и мать? Бабушку и дедушку?

Кстати сказать, где-то там, в Городе, у Ника есть родня. Мама говорила о них только вскользь и никогда не рассказывала напрямую. Даже если Ник ее об этом просил. Смотрела, молчала, и лицо ее делалось старым, осунувшимся, будто после тяжелой болезни. Почему? Он понял это уже тогда, когда стал взрослым, способным самостоятельно себя обеспечить. По крохам информации, которую выловил из рассказов матери, Ник понял – родня от нее отказалась. После того как мама зачала его, Ника. Она не захотела его убить. Хотя ей и предлагали сделать аборт.

Если по логике – как думал он сейчас, – ей и в самом деле следовало его убить. Жила бы себе в Городе, здоровая, веселая, красивая! Мужа бы нашла. Родила бы другого ребенка. Вот только Ника тогда не было бы. Никогда!

Ник ненавидел свою родню. Истоиво, до скрипа зубовного, до сжатых, побелевших в костяшках пальцев! Это они виноваты, что мама умерла! Это они хотели убить его, еще не родившегося Ника!

И знал, что ненависть его совершенно глупа, ведь он никогда эту самую родню не увидит. Шансов попасть в Город у него никаких, и суждено ему умереть где-нибудь на мусорке от болезни, или от разряда и пули, или просто от голода, когда, обессилевший, больной и старый, не сможет добывать пропитание.

Иногда Ник думал: справедливо ли это? Все, что происходит на Сирусе. Почему с ними поступили так, а не иначе? Чем здешние люди заслужили такое к себе

отношение? Ведь они ничем не хуже тех, со звезд, здоровых, красивых, сытых! Высоченных, на голову выше любого сирусянина! И не было у него ответа. Только горечь и досада.

По меркам Сируса, Ник был довольно высок. В свои шестнадцать лет он был выше многих. Заслуга неизвестного космолетчика, точно. Мама была ниже Ника на полголовы, стройная, худенькая – даже для Сируса. Она как-то проговорила, что сирусянки очень популярны у космолетчиков – у тех, которые не боятся связываться с мутантами. Как сказал ей тот, кто зачал Ника, она похожа на девочку-подростка.

Вообще-то, все сирусяне были похожи на подростков, если только не заглядывать им в лицо. Самый высокий из них – не выше ста шестидесяти сантиметров. Полуторная гравитация Сируса – это вам не шутки. Каждый, кто здесь живет, – невысокий, жилистый, худой и очень сильный. Иначе задохнешься. Иначе не сможешь ходить. Широкая грудь, чтобы вдыхать разреженный воздух, усиленные кости, связки, стальные мышцы, фиолетовые глаза и темная, у большинства – иссиня-черная шевелюра, закрывающая череп от палящих лучей солнца.

Как сказала мама, если бы относительно Сируса не было запрета на выезд, сирусяне пользовались бы большим спросом при поиске работы: сильные, но при этом маленькие, как дети, легко переносящие огромные дозы радиации, они бы могли работать на планетах, подобных Сирусу, а возможно, еще более сложных. Могли бы служить в армии и летать на звездных истребителях: что для них перегрузка из-за отказа антигравы? Ерунда! Там, где у обычного мягкотелого человека взорвутся легкие, сирусянин не потерял бы сознания и не получил бы никакой травмы внутренних органов.

Но запрет был. И никто ничего не мог с этим поделать. Сирус находился на самых задворках звездного скопления, и никому не было до него никакого дела. Он есть – и пусть будет. И нечего ради него беспокоить Очень Важных Людей. Ради этих «детешек», проклятых мутантов...

Детей... что-то в этом было нехорошее – популярны, потому что выглядят как дети! Гадко.

Ник знал мужчин, которые предпочитали спать с детьми. Это не поощрялось, но и не наказывалось. За Периметром нет закона в том понимании, какой он есть в Городе. За Периметром хорошо все, что приносит деньги и не мешает жить другим. Если какая-то мать продала своего ребенка любителю малолеток, все, за чем следит закон, это чтобы извращенец не убил ребенка, не мучил его и не морил голодом. Все, что он с ним делает в постели, – их личное дело. И если ребенок вдруг умрет, никто расследовать это не будет. Судьба, значит, такая...

Все люди на Сирусе... нет, почти все люди – потомки преступников, которых выслали сюда искупать свою вину. Грабители, воры, бунтовщики (а таких большинство) – именно они основали колонию мусорщиков. Меньшая часть населения – потомки надзирателей. Именно они сейчас стоят во главе Города, именно они получают бо?льшую часть доходов.

Именно от них зависит, кого выслать за Периметр, а кого оставить жить в Городе. Аристократия Сируса. Впрочем, такие же невыездные, как мусорщики.

Смешно, эти аристократы так кичатся своим происхождением от свободных людей, презрительно называют всех остальных мусорщиками, но для звездоплывателей они тоже мусорщики. Всех, кто живет на Сирусе, инопланетяне называют мусорщиками. Всех без исключения. И все они никогда не покинут эту злосчастную планету. Ни-ког-да!

...Ник одолел встретившийся овраг, вбивая в его склон тонкие, очень прочные стилеты, подтягиваясь на рукоятях с ловкостью киношной обезьяны.

Он никогда не видел живых обезьян, но на экране видона – сколько угодно. И они прыгали по веткам так легко, так свободно, что не верилось, будто такое может быть. На Сирусе не росло ничего. Совсем ничего. Кроме водорослей в невероятно огромном зеленом океане. Водорослей, покрывавших его поверхность сине-зеленым ковром. Именно эти водоросли были легкими планеты, именно они выделяли кислород, которого едва хватало для дыхания человека. Его в атмосфере Сириуса на пятьдесят процентов меньше, чем в атмосфере планеты – прародины человека. Ник не знал, что это за прародина, и почему на ней сила тяжести меньше, чем на Сирусе, и почему там кислорода настолько больше, но он верил матери и сведениям, которые получал из видона. А что еще оставалось? Если не верить маме и видону, кому еще верить?

Мама говорила, что по большому счету в школе Города, где она училась, преподают, основываясь на той информации, которую получают из сети Сируса. Все отличие от самостоятельной учебы в том, что есть разделы, вход в который разрешен только с ведома преподавателей, и, если ты не учишься в школе, тебя туда никогда и ни за что не допустят. А в остальном – устройство мира, устройство планеты, физика, химия – да что угодно! – вникай, если хватит мозгов.

Только зачем? Если все равно не пригодится. Зачем мусорщику астрономия? Зачем мусорщику физика?

Вот знание устройства большинства звездолетов, это да! В голове Ника хранилась информация о тысячах типов кораблей! Как, впрочем, и у большинства тех, кто добывал пропитание в металлических джунглях.

И не могло быть по-другому, ведь это их жизнь. Их судьба. Их место обитания. Как только разбросанное по миру человечество выпускало новую серию кораблей, информация об их устройстве в кратчайшее время оказывалась в базе данных мусорной планеты. Схемы коридоров, схемы трубопроводов, расположение кают, машинных отделений, энерговооружение, боевое оружие, которое изначально устанавливали на верфи, наличие спасательных шлюпок, боевых истребителей, роботов всех мастей – невероятное количество информации, которую ни один мусорщик не может усвоить за всю свою жизнь, но должен стараться это сделать. Уж чего-чего, а основные типы звездолетов ты должен знать наверняка, потому что восемьдесят процентов кораблей на мусорке именно основные типы, используемые человечеством в этом районе звездного скопления.

Встречались, конечно, звездолеты издали, ими управляли звездные нелюди, разумные нечеловеки, но таких на мусорке совсем мало. У нелюдей свои мусорки, свои Сирусы и свои изгои. Вот туда нелюдские корабли и уходят, чтобы не заражать своими болезнями человеческие планеты.

Ник к шестнадцати годам был уже специалистом по мародерству и ориентировался в кораблях так, что легко мог бы работать где-нибудь на разборке оборудования. В Городе, например. Если бы его туда допустили. Он знал все, что можно знать о разборке (и сборке, само собой!), любого из крейсеров или рейдеров, растающих в почву этой планеты.

Он знал все, что сказано в базе данных о возможностях этих кораблей, об их оснастке, даже о том, где в каютах экипажа находятся тайные шкафчики-сейфы, в которых иногда (хоть и редко) попадаются такие вещи, которые могут надолго обеспечить и питанием, и водой. Вот как произошло сейчас – исправный энергоблок! Редкость! Как его могли пропустить перед доставкой корпуса на Сирус, одному Создателю известно.

Дорогу перебежал легкой рысью и тут же залег в зарослях пыльной серебристо-серой травы (или не травы, а мха? До сих пор никто не знает, что это) – единственного растения, которое смогло выжить на этой планете. Все остальное выгорело, когда по базе нанесли ракетно-лучевой удар. Оплавленные скалы, овраги, в которых можно спрятать целый звездолет, горы щебня и каменные тоннели, пробитые в природных горах игольными ударами мегабластеров. Даже сейчас, по прошествии сотен лет, в некоторых частях острова нельзя находиться более нескольких часов. Даже «коренным» сирусянам. Космолетчик оттуда вообще не ушел бы живым.

Даже забавно – насколько легко человек приспосабливается к любым условиям жизни. Сюда прислали каторжников, не ожидая, что они выживут. Эти умрут – пришлют других, чего жалеть смертников? Но каторжники вдруг отказались умирать. Часть их, конечно, погибла, задохнувшись в разреженной атмосфере, умерев от огромных доз радиации, просто покончив с собой от болезней и невыносимых условий жизни. Но большинство мутировало. И как сказано в базе информации планеты – удивительно, однако им помогла все та же радиация, ускорившая процессы мутации.

Правда, поговаривали, что все это чепуха, что мутация – результат эксперимента неких ученых в самом начале колонизации Сируса. Мол, жителям вводили специальное вещество, усиливавшее изменения человеческого организма, но... эту версию яростно опровергали биологи, чьи статьи имелись в информационной базе.

Эти ученые нередко оказывались на планете с очередной исследовательской экспедицией, посещавшей Сирус регулярно, примерно раз в двадцать-тридцать лет, оставляя после себя шлейф статей, информирующих о том, как люди умудрились выжить на совершенно не приспособленной к существованию планете. И не более того.

...Дорога к Городу хорошо знакома – два часа ходьбы по едва заметной тропинке между холмами, и вот он, Город, высокая стена Периметра, а перед нею двухэтажные здания, причудливо наклепленные там, где их решила расположить прихотливая фантазия строителя. За пределами Периметра никто не следил, чтобы улицы располагались строго по линии, чтобы дома стояли стройными рядами. Единственное, за чем следили, – это чтобы высота зданий была не более чем два этажа и чтобы ширина улиц была достаточна для проезда броневика охраны.

Само собой, все эти ограничения вводились не для удобства мусорщиков. Если броневик не сможет проехать по улицам Внешки, как, в случае бунта, уничтожить бунтовщиков из всех видов стрелкового оружия?

А если не ограничить высоту зданий, какие-нибудь умники начнут прыгать через стену периметра в Город и устроят огромные неприятности! Так что никаких небоскребов для отверженных!

Вот внутри Города – пожалуйста. С верхних этажей высотных зданий замечательно простреливаются все кварталы Внешки. При желании ее можно усмирить за считанные часы. Благо, что имеется для этого все необходимое оружие, от старинных автоматических пушек, метящих разрывные снаряды, до мегабластеров, снятых со звездолетов и установленных на специальные турели.

Чего-чего, а энергии в Городе хватало. Атомные реакторы, работающие на крупинках антивещества, выдавали энергии с избытком – и на обеспечение полуавтоматических заводов, и на поддержание жизни обитателей Города, и на мегабластеры, способные выдать импульс мощностью, достаточной для испарения зданий Внешки в диаметре ста метров. Четыре мегабластера стояли в сторожевых башнях по углам Периметра, еще один находился в центре, там, где некогда располагалась военная база. Собственно, он и принадлежал базе, и был предназначен для борьбы с космическими объектами, а уцелел случайно: звездолет, обстреливавший планету, попал под удар сторожевика, барражирующего возле Сируса и, отвлеченный нападением, подставил бок мегабластеру базы. Этот мегабластер до сих пор был исправен и при необходимости мог выдать мощность, равную мощности мегабластера линкора класса «Храсс». Не самого большого из линкоров, но способного уничтожить небольшую луну, превратив ее поверхность в спекшуюся корку оплавленного камня.

В нынешнее время никто на Сирус нападать не собирался (кому, скажите на милость, сдалась эта помойка?!), но как было заведено держать базовый мегабластер в полной боевой готовности, так этот закон и исполнялся – уже десятки и сотни лет...

...Ник успел в лавку до закрытия. Мать всегда работала только с этим скупщиком: мусорщики люди мнительные, не любят перемен и новых лиц, поэтому стараются работать с теми скупщиками, которых уже знают, и редко меняют своего партнера. Если только тот не сходит с ума и не начинает вести себя совершенно неадекватно. Такое бывает – например скупщик вдруг начинает увлекаться спиртным, или наркотиками, или ароматической смолой, навевающей грезы. И тогда он начинает задира́ть цены, обманывает, грабит мусорщиков, что, само собой, заканчивается очень плохо. Как минимум – к нему перестают носить добычу, а как максимум – кинутые им мусорщики лишают его главной ценности – жизни. Мусорщики – люди отчаянные, им по большому счету нечего терять, так что обманывать их может решиться только абсолютный дурак.

С другой стороны, и мусорщики стараются не обижать «скупцов»: у тех своя система, и тот, кто напал на скупца, избил его, а то и убил, никогда ничего больше не сдаст, а значит, обречен на голодную смерть. Если только раньше безумца не поймают и не покарают родственники или друзья убитого. Или же скупцы наймут охотников за головами, и те в конце концов настигнут негодяя.

Система давно уже пришла в равновесие, и никто не хотел ее ломать. Живи и дай жить другим – вот главный закон Внешки. Впрочем, как все законы во Вселенной, он нарушался, и очень-очень часто. Ведь всегда и во все времена главным законом Вселенной был закон силы: ты сильнее, значит, ты прав. Так почему Внешка должна быть исключением?

Окраины Внешки отличались особой мерзостью. Мусор здесь выбрасывали куда хотели, помои выливали прямо под ноги, хотя Совет Внешки и запретил подобное безобразие. Предполагалось, что мусор будут собирать в контейнеры и потом вывозить к мусоросжигательному заводу, который одновременно был и неким подобием крематория. А куда еще девать трупы? Закапывать в почву? Так попробуй ковырни эти оплавленные камни – небось, сразу передумаешь! Лучше сжечь во избежание распространения заразы.

Жили здесь те, кто не мог найти себе место получше: больные, старики, проститутки самого низшего пошиба – старые, готовые на все за один кредит. Ник всегда старался миновать эти лачуги как можно быстрее.

Во-первых, здесь воняет.

Во-вторых... ему было жутко. Он однажды представил – вот он, Ник, погиб на мусорке. Мама стала старой, слабой, неспособной ползать по мусорке и откручивать блоки. И куда бы она делась? Ясное дело, сюда, в Отстойник. Да, именно так и называли это место – Отстойник. Место, где отстаивается всяческая мерзость перед тем, как ее отправят в очистительный огонь деструктора.

А еще страшнее было представлять, что он, Ник, уже состарился, сделался полуслепым, перестал видеть в темноте, перестал слышать и понимать – где он тогда будет жить?

Нет, это только кошмарный сон. Ник никогда не окажется в Отстойнике. Он предпочтет умереть! Когда почувствует, что уже не может делать то, что сейчас делает, покончит с собой. Не сам, нет, для того, чтобы умереть, имеется огромное количество способов! Начиная с патрульных, испепеляющих все подозрительное, и заканчивая бандами, промышляющими возле выгодных для разборки недавно доставленных на Сирус кораблей. Никто, не состоящий в банде, не смеет работать у «новых» кораблей – никто. Только члены банд. И так было всегда. Наверное, всегда.

После Отстойника пошли дома почище. Тут жили ремонтники, ассенизаторы, все работяги, которые делали жизнь Внешки более или менее сносной, на взгляд жителей Внешки, разумеется. Мама говорила, что с точки зрения космолетчика, которому она рассказала о жизни в Городе и за городом, это даже не жизнь и не существование. Это Ад, куда отправляются души умерших, совершивших тяжкие преступления. То есть он, Ник, сейчас живет в Аду. За какие грехи, он до сих пор не знал. Что такого Ник мог совершить, чтобы заслужить подобное наказание?

Впрочем, Ник не верил ни во что, кроме своих крепких рук и ног, кроме своего тонкого слуха и нюха, кроме зорких глаз и сильных мышц. Ни в богов не верил, ни в демонов, хотя мать и пыталась ему преподать уроки Веры, пыталась настоять, чтобы он молился какому-то там неизвестному могущественному

существо, управляющему всей его жизнью. Мол, будешь молиться, будешь просить Бога – и он подарит тебе достойную жизнь, а когда умрешь, попадешь туда, где очень хорошо, – в Рай. Ну вот и выпросила, ага! Попала ее душа в Рай или нет, неизвестно. Но то, что никакой хорошей жизни она так и не выпросила у своего Бога, это вот сто процентов. Лежит теперь на мусорке, в яме глубиной в метр. Чтобы выкопать эту яму, Нику пришлось трудиться сутки. Но он не хотел, чтобы тело матери забросили в кузов ассенизаторов, чтобы мама плюхнулась в лужу дерьма и вместе с ним отправилась на переработку в деструктор. А на настоящие похороны – с гробом, иллюзией цветов, музыкой – у него нет денег. Да и умерла она на мусорке, в старом корабле, где теперь его дом – наверное, навсегда, до самого конца его жизни – дом.

Она металась, бредила, Ник поил ее оставшейся во фляге водой, и тогда мама отталкивала руку и, глядя ему в лицо блестящими от жара глазами, шептала, и на ее сухих губах проступала кровь из горячечных трещин: «Не надо воды! Сам пей! Оставь! Оставь меня! Я все равно умру! Это желтая лихорадка! Ее не лечат! Оставь меня и уходи! Уходи!»

Потом снова забывалась, металась из стороны в сторону, лежа на металлическом полу, крутила головой, дергалась в судорогах, выгибалась дугой, будто старалась прижаться к невидимому любовнику.

А потом все закончилось – на третьи сутки. И еще сутки Ник копал яму, вырезая ее виброножом, некогда найденным им в одном из кораблей. Вибронож работал плохо, но все-таки хоть как-то отковыривал кусочки спекшегося камня, постепенно образовывая углубление длиной в полтора метра.

Мама была очень маленькой женщиной, меньше многих. Хрупкая, стройная, но при этом очень красивая и сильная. Отец Ника, которого Ник не хотел знать никогда и ни за что, почему-то называл ее «Дюймовочкой», говорил, что на планете, на которой родился Император Сущего, есть такая фантастическая история про очень маленькую девочку, летавшую вместе с птицами. И вот она, мама, такая Дюймовочка.

Инопланетники горазды на красивые истории, лишь бы заманить в свою постель наивных девиц. Наивная, добрая, красивая мама! Эх, мама, мама...

Ник хотел убить этого космолетчика. Своего отца. Если бы он встретил его на мусорке, да что на мусорке – даже во Внешке! Он бы его убил. Точно – убил! Проклятая белокожая рожа! Проклятый верзила, из-за которого погибла мама! И родился он, Ник...

Кстати, Ник только поэтому и выжил, когда так же, как мама, заразился желтой лихорадкой. Для инопланетников это не болезнь – просто мелкая неприятность. Нос покраснеет, да голос чуть-чуть охрипнет. А вот для сирусян, которые сотни лет живут в тесном анклаве и не имеют нужных антител, это смерть. Если рядом нет автоматической аптечки, определяющей болезнь и производящей нужное лечение. Но такие аптечки есть только у Совета и у тех, кто близок к нему, – торговцев-скупщиков.

Ник помнил лицо своего отца – мама показывала ему в видоне. Знал его имя. И поэтому – если доведется увидеть негодяя – не сплхует, достанет гада! И плевать ему на рассказы матери о том, какая великая любовь у них была, о том, что тот, будучи военным, ничего не мог поделаться, ему запретило командование, что она сама решила с ним расстаться, чтобы не губить его жизнь, что это она сама решила оставить ребенка, потому что это единственное напоминание о Нем, о Любви – все это чушь! Ерунда! Факты говорят о том, что этот мерзавец ни разу не поинтересовался, что случилось с его возлюбленной, хотя и знал, что бросил ее с животом, в котором находился его сын!

...Стандартный дом из металлопласта: укрывает от холода, укрывает от жары, выдерживает несколько импульсов из полевого бластера – хорошая штука этот металлопласт! Заперся – и сиди, и пусть только попробуют войти! Кто? Да кто угодно. Тот, кто вдруг пожелает присвоить ценное барахло и не побоится, что его убьют на месте.

Всякое бывает, и всякие бывают придурки. Закачает в вены «дерьма», и понеслось. Нарки, они такие! Нелюди! Мама всегда говорила: что угодно, только не наркота. Употребляешь – конченный человек, долго не проживешь. Продаешь – убиваешь других. И не заслуживаешь жизни. Торговцев наркотой надо убивать! И это при том, что Ник точно знал: мама одно время употребляла наркотики. Не самые сильные, но употребляла. И он ее понимал. Нежная, чистая городская девочка, окунувшаяся в эту грязь, ставшая шлюхой, не смогла бы вынести подобного ужаса, если бы не заглушала разум наркотой.

На дверях – обычный экран, как на видоне – сверхпрочный стеклопласт, который нельзя разбить ни камнем, ни молотком. Даже игольчатый лазер не оставит на нем и царапины. Только полевой армейский бластер в конце концов расплавит. И то нужно хорошо постараться. Изобретателю этих экранов стоило поставить памятник, точно. Так мама говорила.

Эх, мама, мама... как жаль, что тебя нет! И поговорить-то не с кем... вокруг только чужие! Только враги! Чужой и враг – это, считай, одно и то же. Верить никому нельзя! Даже вот этому скупщику по имени Сагал, с которым Ник работает уже много лет. Сегодня он хороший, а завтра может выкинуть такой финт, что еле ноги унесешь. И не он такой – жизнь такая! И это тоже мамыны слова.

Приложил видон, дверь щелкнула, открылась. Мол, заходи! Старым клиентам свободный вход, однако под столом заряженный бластер, а везде натканы видекамеры, отслеживающие все вокруг дома-лавки. Чуть что – сигнал отправляется в охрану Внешки, и сюда вылетает наряд мордovorотов в броне и с бластерами. Скупщики – они такие. Их голыми руками не возьмешь!

– Маленький Ник! – Мужчина довольно улыбался, сидя перед здоровенным экраном, на котором извивались в любовных судорогах несколько мужчин и женщин.

«Порнушку смотрит, охламон!» – констатировал очевидное Ник.

Рядом – молоденькая девушка голышом, в одних очень узких трусиках. Ее небольшая грудь уставилась вперед крупными коричневыми сосками, и Ник старается не смотреть на девушку. Во-первых, он всегда будет помнить, что когда-то его, Ника, мать, возможно, вот так же сидела рядом с этим мужчиной – он был у нее постоянным клиентом. Ник это помнил наверняка. Он бы и рад забыть, но у Ника практически абсолютная память. Он ничего не забывает. Мутант, чего уж там. Правда, старается это скрывать: ни к чему людям вокруг знать, что Ник ничего не может забыть. И что он «слишком умный!».

Иногда требуется забыть. Или хотя бы делать вид, что забыл. Вот как сейчас, когда узнал девчонку, много лет прожившую в соседнем доме.

Райда, так ее звать. Ей столько же лет, сколько Нику. Хорошая девчонка, красивая и не злая. Угощала его конфетами, когда она и Ник были маленькими. Работает шлюхой уже с десяти лет. И мать ее шлюха. И бабушка. На этой улице все такие.

К Нику не раз и не два приставали любители молоденьких мальчиков, так мама одному сказала, что, если увидит еще раз подобное, отрежет ему яйца и засунет их извращенцу в рот. Он бы не поверил, но мама достала вибронож и воткнула ему в бедро.

Скандал был, конечно, но как-то все в конце концов погасло. Сколько она заплатила, как заплатила, Ник не спрашивал, но с тех пор любители «молодого мяса» обходили его стороной. А потом они с мамой переехали с улицы шлюх на улицу мусорщиков, где и жили до самой маминой смерти.

Вообще-то, Ник всегда предлагал маме поселиться в каком-нибудь из кораблей и не платить за квартиру жадному хозяину. Но мама не могла жить в глуши. Ей нужно было человеческое общество. Иногда общество мужчины. Хотела найти Нику отчима? Или в ней говорил инстинкт размножения? Кто знает... но только поиски свои она не оставляла.

Ник не говорил с ней на эту тему. Не хотел. Но когда она приходила под утро, лохматая, помятая, иногда пьяная, прятала от сына глаза, быстро очищалась в душевой сухой камере (вода дорогая! Настоящий душ им не по средствам!) и ложилась спать. На следующий день была тиха, молчалива и неулыбчива.

Странное вообще-то дело: если тебе так тяжело вспоминать, что ты делала с мужчиной прошлой ночью: зачем ты к нему вообще идешь? Нет, она ходила не за деньгами – Ник бы это знал. Наверное, знал бы. Или не хотел знать?

– Что принес, Маленький Ник?!

Ник ненавидел это словечко Сагала – «маленький»! Какой он, к черту, «маленький?! Если на то пошло – выше тебя, придурок ты хренов! И хватит во время разговора мять сиську Райды! Имей совесть, скотина!

– Привет, Ник! Какой ты огромный стал! Мужчина! – Девчонка вдруг улыбнулась, и тогда он легонько кивнул:

– Привет, Райда.

И тут же взгляд на Сагала:

– Энергоблок принес. Большой. Исправный. Я смотрел – такие не меньше десяти тысяч стоят!

– Нуу... где стоят десять тысяч, туда и нес бы! – Скупщик парировал уже автоматически, не думая. Он каждый день такое слышит, понятное дело. И действительно, чтобы продать за десять, надо попасть в Город, да еще и там здорово постараться. Другой вопрос: сколько даст Сагал? Ну уж точно не сотню!

– Хмм... – Скупщик внимательно осмотрел блок, покрутив его перед собой, затем достал тестер, приложил к выводам блока, взглянул на данные с экрана. Недоверчиво помотал головой. – Отличный блок, ничего не могу сказать! Давно не видел энергоблока в таком хорошем сохране! У них обычно хотя бы процентов десять, да сдохли. А этот полностью исправен, да еще и заряжен! Отлично! Дам тебе... хмм... дам...

Ник ждал с замиранием сердца и упорно старался не смотреть на Райду, задравшую ногу на спинку кресла. Ее узкие трусики почти ничего не прикрывали, и пахло от девушки смесью запаха тонких духов, крема, секса и... наркоты. Этот сладкий запах синтетического наркотика Ник безошибочно чуял метров за пять и с человеком, который был под дозой, обычно держался настороженно, будто это был не человек, а полуразрушенный энергоблок, готовый взорваться в любую секунду и сжечь мусорщика на месте. От нарков вообще одни проблемы!

– Три тысячи! – с оттенком пафоса в голосе закончил Сагал, и Ник понял – больше не даст. Уж очень он сейчас гордился тем, что дает какому-то жалкому мусорщику аж три тысячи – огромные деньги! – Большого тебе никто не даст, Маленький Ник! И это в память о твоей матери! Красивая была женщина, ох красивая!

Рука скупщика сама собой потянулась в трусики Райды и замерла на лобке, ласково поглаживая то, что проглядывало через почти прозрачную ткань. И Ник вдруг замер, сохраняя на лице довольную улыбку, теперь будто приклеенную или нарисованную на экране видона. Вот так Сагал сидел и с его, Ника, матерью, и так же запускал руку ей в трусы!

Мрази! Все – мрази! Они только используют людей, эти гады, а сами считают их грязью, плевком под ногами!

А Райде ласки клиента, похоже, нравились, она запрокинула голову и глубоко задышала, полуприкрыв глаза от удовольствия. Притворялась? Чтобы денег получить побольше?

И кстати, а кто сказал, что Сагал ее клиент? Может, она вообще здесь по собственному желанию? Постоянная любовница? Жена?!

Впрочем, это не его, Ника, дело. Его дело – получить деньги и быстро свалить отсюда. До темноты ему нужно еще вернуться на мусорку, в свой «дом».

– Согласен! – кивнул Ник, и Сагал тут же уточнил:

– Что будешь брать из продуктов? Есть саморазогревающиеся консервы – новый завоз, почти натуральное мясо. Дорого, но у тебя сейчас появились деньги! Или тебе чего попроще, как обычно?

– Как обычно... – почти недрогнувшим голосом ответил Ник, подумавший вдруг, что за сто кредитов он мог бы получить Райду на всю ночь. Она точно бы согласилась: Ник молодой, здоровый, не старик какой-нибудь и не инвалид – с таких плата гораздо выше. Опять же, знакомый, а значит, безопасный. Не маньяк. И не наркоман. Сто кредитов – хорошая цена за девушку! Самую лучшую девушку! И за эту цену можно было бы делать с ней все, что он захочет.

И Ник знал, что именно он бы с ней делал, – а зачем видон? Там есть все. Во всех подробностях.

Не имеет значения, что Ник никогда еще не был с женщиной – дело, в общем-то, несложное. Мама как-то незадолго до смерти намекала, что пора ему стать

мужчиной, что готова поговорить со знакомыми девушками... а когда Ник отказался, стала осторожно выяснять: может, у него тяга не к женщинам, а к мужчинам? Когда он засмеялся в ответ, обиделась и, пожав плечами, сказала, что ненормально здоровому взрослому мужчине обходиться без женщины. Можно даже заболеть. И вообще, она была бы рада, если бы он сделал ей внука с какой-нибудь хорошей девушкой!

Его тогда как палкой по башке шарахнули – она что, всерьез?! Какие тут могут быть «хорошие девушки»?! В этой помойке?! В этой грязи?! Неужели она думает, что Ник способен взять на себя такую ответственность и соорудить ребенка, чтобы тот вечно мучился, до самой смерти, как сам Ник, как тысячи мусорщиков на этой поганой планете?!

У Ника даже мысли никогда не было о том, чтобы создать семью в этом Аду! У мамы, наверное, мозги вскипели, если она такое ему говорит! О чем Ник тут же ей и сообщил.

Неделю не разговаривали, кроме как по делу. И то междометиями. «Туда!», «Ой!», «Эй!».

Потом, когда они сидели рядом и грызли псевдомясо, запивая его водой из пластиковой бутылки, мама грустно сказала: «Может, ты и прав. Может, я и спятила. Но мне так хочется подержать в руках твою копию – маленького такого, теплого, орущего – тебя! А потом можно и умирать. Легко умирать, когда знаешь, что после тебя все-таки кто-то остался в этом мире. Частичка меня. Значит, я прожила жизнь не зря!»

Глупости, конечно. Женские глупости. Мама воспитана в Городе, вот у нее в голове и засели эти бредни. «Любовь»! «Продолжение рода»! Пафос, и больше ничего. Обманные слова мягкотелых жителей города! Это не для Внешки.

Здесь нет любви. Если только не назвать любовью животный акт, приносящий его участникам сексуальное удовлетворение. Здесь продолжение рода – случайный залет шлюхи, которая вовремя не озаботилась приемом контрацептивов, – забыла принять после очередной дозы наркоты. А потом решила оставить младенца – так, на всякий случай. Чтобы кормил тогда, когда она уже не сможет зарабатывать, удовлетворяя похоть грязных мусорщиков. Противно! Все противно!

Больше с мамой на эту тему не говорили. Она сказала, что он сам когда-нибудь все поймет, он ей сказал, что никогда не поймет и не собирается понимать. В общем, каждый остался при своем мнении.

Нику нравились женщины. Он хотел женщин. В шестнадцать лет ты хочешь все, что шевелится и отдаленно похоже на женщину. Но только не женщину из Внешки. Уж лучше он сам себя обслужит, глядя на экран видона, – там чистые, красивые инопланетные женщины, никаких наркотиков и грязи. Вот их он хотел. А еще хотел лететь к звездам...

...Возвращался на мусорку уже в сумерках. Скоро ночь. Луны у Сируса не было, так что ночью его поверхность освещали только звезды да космические платформы, висящие над Городом за границами атмосферы. Раньше это были боевые платформы, но теперь они не были нужны для войны. Пока не были нужны. Все оборудование платформ исправно, и закрыты они, законсервированы согласно мирному договору, заключенному тогда, когда была заброшена и военная база на Сирусе. С тех пор платформы сторожат только боевые роботы, и нет на станциях ни одного живого существа.

Платформы с поверхности Сируса выглядели как две здоровенные гайки, отбрасывающие на планету отраженный солнечный свет. Они были видны даже днем, если только хорошенько присмотреться.

Но Нику, чтобы найти дорогу, не нужно было ни света луны (которой у Сируса не было), ни света звезд и отблесков боевых платформ. Он видел все как днем, хотя и только в черно-белом цвете. Ночное зрение выглядит именно так. Ночью все люди серы...

За спиной Ник тащил громадный, раздувшийся до высоты человеческого роста рюкзак. Рюкзак Ника стоил больших денег, и, чтобы накопить на него, Нику и его матери пришлось ужаться в расходах так, что они жили впроголодь и ходили в старье целый год. И то купили рюкзак не новый, а хорошенько поюзанный каким-то несчастным мусорщиком.

Почему несчастным? А потому, что просто так эдакую вещь не продают. Значит, некому было передать дорогой прибор. Именно прибор, каковым и являлся безразмерный антигравитационный рюкзак.

У него был номер модели, и назывался он официально иначе. Но все мусорщики его называли именно так: «рюкзак». Если бы не эта штуковина, доставлять в скупку большинство приборов и механизмов было бы просто невозможно. В руках ничего ценного не донесешь. Попадались энергоблоки такого размера и веса, что их и кантовать-то можно лишь с большим трудом, а чтобы доставить в лавку, нужна как минимум грузовая машина. Вот для таких случаев и нужны антигравитационные рюкзаки.

Панель регулировки, нервущаяся ткань, родственница экрана видона (только гибкая), и вот уже тяжеленный энергоблок у тебя за спиной. И только одна проблема имеется в такой переноске – нужно учитывать, что хотя вес этот самый объект потерял, но масса, а значит, инерция у него осталась прежней. Поднять ты его поднял, а теперь попробуй сдвинь, а когда сдвинул – останови. И вот поэтому в хороших моделях был еще и пульт управления, который слегка менял направление антигравитационного поля, сдвигая его в ту или иную сторону. И рюкзак тогда двигался туда, куда направил его оператор.

Древняя вообще-то вещь и, кроме того, требующая подзарядки, но если бы не антигравитационная начинка рюкзака, мусорщикам пришлось бы совсем уже туго. Вот как сейчас, когда в рюкзаке находилось как минимум килограммов тридцать концентрированных продуктов питания, плюс чистая вода для их приготовления. Итого – килограммов под сто всевозможной дребедени, жить без которой человек никак не может. Живет ли он в Городе или во Внешке. И всего за пятьсот кредитов.

Теперь Нику хватит этих запасов не меньше чем на месяц! Особенно если пройдут дожди, и в накопителе, который он сделал на куполе звездолета, осядет приличное количество дождевой влаги. Какая разница, на какой воде варить суп? Чистую можно и просто так попить. Дождевая совсем не так уж плоха – даром что немного радиоактивна. Но немного радиоактивности ему не повредит.

Ник однажды умудрился хватануть такую дозу, что, когда мочился, струя явственно светилась в темноте. Исхудал тогда, волосы повылезли, зубы шатались, даже кожа начала облезать, шелушиться. Но ничего – выжил. Волосы снова выросли, зубы укрепились. Кожа опять, как была и до этого, слишком светлая, редкость среди мусорщиков.

Мусорщики не то чтобы чернокожие – они очень смуглые. Как сказано в статьях, которые Ник прочитал по видону, потомки мусорщиков прилетели с планет с гораздо менее активным солнцем. Можно сказать – с холодных планет. И только здесь, после мутации, они стали смуглыми, чтобы лучше защищаться от палящих лучей звезды-солнца, находящейся в бело-голубом спектре излучения. Ну а то, что Ник такой светлый, это заслуга того, кто заделал матери ребенка. Космолетчик, со слов матери, был белым, как молоко.

Кстати сказать, бледнокожие довольно высоко ценились в обществе мусорщиков. И женщины – они якобы отличались повышенным сексуальным темпераментом по сравнению с темнокожими аборигенками, и самое главное – белокожие мужчины, такие, как Ник. Откуда взялось это дурацкое поверье, неизвестно, но считалось, что белокожие мужчины неутомимы в сексе и член у них намного длиннее.

Дурь, конечно: достаточно заглянуть в видон, в котором куча не только снимков, но и роликов с участием людей всевозможных рас и даже нелюдей любых конфигураций, и ты убедишься, что никаких статистических данных в подтверждение этой теории не найдешь. Однако к матери не раз и не два подкатывали любительницы и любители экстрима: мол, «одолжи парня, хорошие деньги дам! Пусть поработает в постели!»

Одного такого «работодателя» мама нокаутировала и выбросила с лестницы. Сломала ему три ребра. Другой едва ушел, он с охранниками был – так им тоже досталось. Мама была очень сильной и быстрой... а когда впадала в ярость, ей было все равно, кто перед ней стоит, влиятельный человек или последний помоечник во Внешке.

А драться она умела. В Городе немало клубов, которые посещают все желающие горожане, а кроме того, у школьников занятия рукопашным боем были в программе обучения. Это же бывшая военная база – там обучение рукопашному бою всегда было возведено в ранг необходимости. Так и осталось испокон веков. Персонал базы должен быть обучен искусству боя. Надзиратели преступников – тоже, ведь их потомки и жили в Городе.

Она и Ника обучила. При его росте и соответствующей силе он был опасным противником какому-нибудь негодяю, решившему его ограбить. Если только у того не было бластера, игловика или пулевого оружия.

Ник иногда думал: может, и зря мама его уберегала от мерзостей жизни? Ну вот пошел бы он в «мальчишки» к какой-нибудь богатенькой даме или в наложники к жене влиятельного члена Совета – разве это было бы плохо? Жил бы, не думая о том, что доведется есть завтра и что надеть на себя сегодня. Однако мама с истовостью маньячки вбивала ему в голову, что верит – Ник когда-нибудь улетит к звездам! А здешняя жизнь лишь временное пристанище, и судьба его – далеко за боевыми платформами, там, где сияют мириады и мириады звезд!

Но чтобы туда добраться, ему нужно быть во всеоружии. Нужно быть грамотным, нужно быть всесторонне образованным, сильным, ловким, умелым! И пускай он не учился в школе. Это ерунда! Тому, кто хочет чему-то научиться, не нужна школа. Ему нужно только желание. И тогда все у него будет.

Все, что необходимо для обучения, есть в сети. Только не ленись и, вместо того чтобы смотреть дурацкие, пошлые фильмы, учись! Иначе так и сдохнешь здесь, в этой грязи, в этом Аду!

И он учился. Ведь кому верить, если не маме? Мама зря не скажет! Она все знает! Она училась в Городе!

Учился, да. Только зачем? Ах, мама, мама... мечтательница из Преисподней... Ты же знаешь, мама, никто и никогда не позволит нам улететь с планеты. Никто никогда не разрешит жителю Внешки жить в Городе. А звездолеты ведь только там!

Здесь? Здесь не звездолеты, а металлический мусор. Трупы кораблей. Многие из которых не обретут упокоения даже на мусорных заводах. Потому что до них никогда не дойдут руки. В первую очередь разбирают «новые» корабли. Там и металл получше, и приборы поновее попадают. А такие древние монстры, как тот, в котором живет Ник, никому не нужны. Кроме Ника.

В одном из таких древних дредноутов он провалился в трюм и едва выжил. Все-таки не зря мусорщики ходят по двое, как ходил он когда-то с мамой. Вот так провалишься куда-нибудь в дыру – и каюк. Сдохнешь от голода. Или утонешь в радиоактивной светящейся воде. Как тогда Ник.

Часа два пытался выбраться, а кожа горела, будто ее ошпарили. Еще немного – и точно бы сгинул. И пропали бы все часы учебы, пропала бы вся информация,

которую он накопил в своей слишком умной голове.

Если бы не пустой контейнер, который нашелся на глубине человеческого роста в дальнем углу трюма, там бы Ник и остался. В трюме. Навечно. В виде светящегося трупа.

Пришлось нырять, доставая контейнер, а это очень нехорошо и для шевелюры, и для зубов.

Волосы выросли, но почему-то настолько светлыми, что Ник стал казаться седым. Что добавило желающих поиметь такое экзотическое тело. Белокожий, беловолосый юноша – мечта любого любителя секс-экзотики!

Дорогу пересек без особых проблем: ночью патрульные ездили очень редко, если только кто-то их специально не вызвал. Например, если кто-нибудь не взорвал найденный в корабле энергоблок.

Зачем взрывают? Да кто их знает. Здесь полным-полно сумасшедших, психов, просто людей с придурью. Работа такая. Все время в напряжении, так что спятить – ничего сложного. Сегодня соображаешь, а завтра не соображаешь. Мутировал, да и все. Ник, когда поплавал в радиоактивном озере, стал лучше видеть в темноте. Почему так случается? Да кто же это знает... ученые пишут всякую хрень, а поди-ка проверь!

До своего «дома» добрался уже глубокой ночью. Здоровенный рюкзак плыл следом, как темное облако, и нужно было обходить узкие места, чтобы не застрять, не расклинить груз. Испортишь рюкзак – беда будет.

У входа в тоннель опустил груз на землю, аккуратно выложил из него почти все содержимое, оставив объем, позволяющий пролезть через довольно узкую дыру в земле. Придется таскать частями, но дело того стоит, зато безопасно. Попробуй-ка догадайся, что за этим провалом в почве скрывается шлюз старого корабля. Снаружи торчит только часть купола, вросшего в почву до самой макушки. Ник его обнаружил совершенно случайно – просто встал не туда, куда следовало, почва и разошлась под ногами. Чуть тогда в штаны не напустил от страха – это ведь мусорка, здесь все, что неизвестно, опасно. Провалишься, а там, может, глубины метров двадцать, а внизу острые куски обшивки, на которые и нанижешься, как на вилку. И будешь помирать долго и болезненно.

Но нет – внизу был коридор, до половины засыпанный землей, дальше он расширялся и переходил в круглое помещение, видимо, рубку корабля диаметром метров десять или чуть больше. Из рубки коридор вел в машинное отделение, наверное, машинное отделение. По стенам коридора – четыре двери-мембраны, за ними что-то вроде кают. Почему вроде? Потому, что ничего в них не было: ни лежанок, ни чего-то, похожего на полки, кровати, шкафы и все такое прочее.

Почему «наверное, машинное отделение»? Да потому, что цилиндры, стоявшие там, никак не походили на что-нибудь, известное Нику или его видону. Ник специально просмотрел тысячи моделей и планетарных двигателей, и маршевых – ничего похожего не увидел.

Кстати, это ничего не значило. Вообще ничего. Каталог техники не был полным, да и не мог таковым быть. Цивилизаций в обозримой Вселенной тысячи, десятки тысяч, некоторые из них настолько древние, что человеческая по сравнению с ними как младенец по сравнению с древним старцем. И они могли создавать такие звездолеты, о которых нигде и никогда не указывалось ни в одном каталоге.

Это нормально. Время от времени каталоги обновляются, в них вносятся новые модели кораблей, а также найденные где-то в пространстве старые звездолеты, место изготовления которых частенько определить невозможно. Указывалось просто: «Звездолет неизвестного происхождения. Приблизительно – аналог легкого крейсера класса «Хитер». И все! А в чем он там аналог, пойми теперь!

Кстати, лучше в такой корабль не соваться. Вряд ли в нем можно найти что-то интересное, но вот проблем огрести можно по самую маковку. Неизвестные корабли с неизвестной системой защиты подчас выдают такие «подарки», что эхо от этих «подарков» потом слышит вся округа в радиусе нескольких десятков километров. Да и найти в них что-то ценное не представляется возможным: ну кому нужны энергоблоки старинного корабля, аналогов которому нет на протяжении трехсот световых лет? Кому нужны запчасти с подобного раритета? Нет уж, пусть его роботы-мусорщики грызут, растаскивают на части. Людям в таких кораблях делать нечего.

И вот один из них. Такой, в который никто никогда не полезет, а при всем при том чистый, незараженный радиацией, незаметный и... родной. За те годы, что

прошли с момента его обнаружения, они с мамой ночевали в этом корабле сотни раз. Теперь в двух каютах есть чистые матрасы, белье, все, что нужно, чтобы спокойно отдохнуть, не боясь, что на сонного тебя нападут какие-нибудь бандиты или обычные «мирные» мусорщики, чтобы отнять твой хабар. А то и саму жизнь.

Ник в течение часа перетаскал весь груз, сложил его в маминой каюте. Псевдомясо – в один угол, псевдоовощи – в другой. Воду в пластиковых саморазлагающихся бутылках – в третий. Ник всегда брал воду в таких бутылках – выпил и выкинул. А она, без воды, в течение недели разлагается почти полностью, образуя серый порошок, незаметно смешивающийся с почвой. Пусть с такими бутылками вода чуть подороже, но зато не загаживаешь округу, не нужно их оттаскивать далеко, чтобы не демаскировать место обитания.

Наконец, Ник все перетаскал и, сбросив с себя одежду, с размаху плюхнулся на матрас. Не сказать чтобы он смертельно устал, но все-таки тело слегка ныло, гудело, жалуясь на запредельные нагрузки. Ничего, отдохнет, выспится как следует и завтра пойдет к району «новых» кораблей – посмотреть на очередной «заброс». Вчера грузовоз опускался – что-то тащил. Особенно рассчитывать не на что, там уже банды слетелись, но хотя бы посмотреть. Почему бы и нет?

Протянул руку, нащупал Шарик, подкатил к себе.

Забавная вещь! Он нашел его здесь, в старом корабле, в трюме. В землю врос Шарик, еле виден был. Гладкий такой, приятный! Погладишь его – и вроде бы на душе легче. В городе есть домашние животные – с других планет завезли. Во Внешке – ничего. Даже крыс нет. А у него – такое вот домашнее животное. Шарик. Гладкий, тихий... и теплый. Или ему кажется, или хочется так – чтобы он был теплым! Живым...

Подкатил под бок, положил на Шарик руку, стал засыпать. Маму вспомнил. Она настаивала, чтобы Ник сдал его скупщику – может быть, что-то ценное! Может, эта штука денег стоит! Но Ник ее упросил: вряд ли Шарик что-то стоит, дадут за него пару кредитов, и все. А у него, Ника, ничего нет своего! Кроме видона, конечно. И одежды с сапогами. Неужели он не может себе позволить хоть какую-то игрушку?! И так радости нет, еще и последнее отдать этому хапуге?

Мама сдалась. И теперь Шарик всегда с ним. Здесь, в корабле. Таскать с собой его нельзя: Шарик, при его размере с кулак, весит невероятно много, Ник с трудом отрывает его от пола, а слабым Ника назвать ну никак нельзя. Мама всегда говорила, что он очень силен – как взрослый мужчина! А вот – Шарик едва подымает.

Нет уж. Пусть тут лежит... так спокойно рядом с ним, так хорошо! Он будто забирает у Ника дурные сны. Будто лижет ему руку во сне, и Ник успокаивается, забывает о том, что никогда не полетит к звездам... никогда. Никогда.

Глава 2

Проспал шесть часов. Он точно знал – ровно шесть часов – даже на видон смотреть не надо. Мама всегда смеялась – не человек, а механизм какой-то! Ник не понимал – а что в этом такого смешного? И почему, к примеру, она не может так же? Ложишься спать и заказываешь себе: «Проснуться через шесть часов!» Ну и все. Через шесть часов просыпаешься – свежий, бодрый, полный сил. Как сейчас!

Осторожно убрал Шарик в тайник за обшивку. Мало ли кто забредет – шанс невелик, но все-таки. Шарик у него уже много лет, и очень не хочется с ним расставаться. Ник и сам не знал – почему. Вот не хочется, и все тут!

Иногда кажется, что он живой... Шарик даже снится порой. Во сне Ник с ним разговаривает, и Шарик ему отвечает. Жаль, что только во сне. Иногда все-таки хочется с кем-то поговорить...

Конечно, так-то можно было бы найти напарника для походов на мусорку: скупщик поможет найти, скупщики все знают о мусорщиках – кто напарника потерял, кто ищет. А можно и объявление на портале разместить – через видон. Но там уже гарантии никакой – кто придет по объявлению? Вдруг какой-нибудь нарк? Пойдешь с ним на мусорку, а он тебя по башке бах! И рюкзачок себе. И хабар себе. Наркоманы – они не думают о будущем. День продержаться, неделю прожить, а дальше и не заглядывают. Так что с большим удовольствием грохнет, это точно!

Нет уж, лучше одному. И хабар тогда тоже одному вот как в этот раз – ап! И готово! Нашел энергоблок! Ник опытный мусорщик, не то что всякие там придурки!

Пожевал псевдомяса, съел псевдофрукт. Неизвестно, имеются ли такие фрукты в природе, так что названия у него нет никакого, кроме как «псевдофрукт». И не есть его нельзя – витамины нужны, иначе заболеешь. Не очень-то они вкусны, но других ведь нет! Мама говорила: настоящие фрукты вкусные, и псевдофрукты по сравнению с ними – полная ерунда. Но настоящие стоят огромных денег, так что...

Привычно нацепил на плечи рюкзак, закрепил его на плечах и груди, чтобы не болтался и не мешал движениям, и вперед. Пора! От того, что Ник здесь лежит и дрыхнет, денег не прибавится. Ну да, деньги пока есть, и несколько месяцев можно не думать о том, что будешь есть и пить завтра, однако надо думать и о будущем, не только на неделю и месяц вперед!

Опять мамины слова. Это она все время говорила, мол, надо думать о будущем. А что о нем думать, если этого самого будущего нет?! Ну нет его, вот и все! Какое будущее у Ника?! До конца жизни ползать по мусорке?! Да будьте вы прокляты с таким будущим! Кто именно? Да те, кто все это придумал и устроил! Все!

Дверь не закрывается на замок – электричества-то нет. А если бы и было, лучше бы не стало: вдруг защелкнется, дверь не откроешь, это корабельный мозг (который вполне мог сохраниться) перекрыл доступ нежелательным посетителям.

Были такие... «мудрецы». Обычно рассказы о похожих случаях выкладывают на специальном портале мусорщиков. Некие дурачки находят корабль, в котором не удалили энергонакопитель планетарных или маршевых двигателей. Ну, бывает так, чего уж... поленились. Накопитель неисправен, у него девяносто процентов ячеек не работает. Или даже девяносто девять процентов. Ну и вот: от нечего делать подключают накопитель к системе, мол, «посмотрим, что получится!». А потом на портале появляются строки: «Погиб, уничтоженный активировавшейся системой защиты корабля».

Защите хватит и миллионной части энергии, способной запустить маршевый движок! А еще газ, боевые микророботы, ловушка в каюте, перекрываемой

стальной непробиваемой плитой! А все потому, что где-то в недрах корабля еще уцелел позитронный мозг, отвечавший за системы защиты. И за энергообеспечение этих систем. Он просыпается, полубезумный, только что вышедший из боя, не уничтоженными видеодатчиками, замечает непонятного типа, забравшегося внутрь корабля, и... готово! Покойник! И это только те случаи, о которых кто-то сумел рассказать! А сколько тех, кто никогда и ничего уже не расскажет? Тех, кто сгинул в недрах стальных гигантов и медленно умирал в них долгие дни и недели? Ведь некоторые корабли начисто блокируют сигнал видона! Отрезают даже подпространственную связь!

...Выбравшись наружу, Ник пошел в глубь мусорки, туда, где обычно тягачи оставляли «новые» корабли. В самом центре – лакомые куски, и вокруг них вьются всяческие банды, но, если осторожно пробраться чуть поближе – не к самому «новью», а туда, где еще могло хоть что-то остаться, – результат может быть очень неплох!

Мама запрещала рисковать, мол: «Нам и этих крох хватит! Не голодаем же! Там опасно!» Но теперь мамы нет. А результат отличный!

Откуда взялся вчерашний накопитель? Вот оттуда и взялся! И если один накопитель был, почему не быть еще одному? Просто надо как следует пошарить! Опять же, да, деньги есть! Но это ПОКА есть! Запас никогда не помешает!

Да и честно сказать, а что еще делать? Только по кораблям бродить да видон читать. Раньше, когда мама жива была, еще и физическими упражнениями развлекался: бегали, прыгали, отжимались, спаррингом занимались. Форму нужно держать! Но как мама умерла, хорошо если часа три в неделю тренируется – бой с тенью и все такое прочее. Не хочется.

Да и зачем это все?! Не собирается Ник ни с кем воевать. Мамины прихоти... мол, пригодится! Зачем расстраивать маму?

Да и время нужно было как-то убить. Интересно, чем занимаются дети в Городе? Мама говорит – ходят в клубы, танцуют, играют... Ну да, да, любовался он этим по видону! Только кажется ему – все это вранье. Выдумка! Видел он клуб во Внешке. Одному туда лучше не ходить. Да и с мамой опасно. Впрочем, когда он там побывал в последний раз, ему было лет... десять? Да, десять. Но

воспоминаний хватило до сих пор.

Облако удушающего сладкого дыма от курительных палочек с наркотой.

Голые – абсолютно голые женщины, раскрашенные по коже различными прихотливыми яркими узорами.

Мужчины тоже частенько голые, тоже раскрашенные, непристойно свесившие члены через прорези дурацких трусов.

Они провожали Ника липкими, неприятными взглядами, и он чувствовал себя, как, вероятно, чувствует себя жертва хищника перед тем, как ее сожрут. Отвратительно! И опасно!

Зачем туда мама ходила? Она не объяснила. Вроде как должен ей там кто-то был. Откуда взялся долг, тоже не объясняла. А Ник не стал уточнять. Во-первых, это не его дело. Во-вторых... лучше об этом не задумываться.

Запомнилась тогда одна девчонка, чуть старше Ника – плоская, практически без груди и бедер. Она была выкрашена в золотой цвет – вся, с ног до макушки лысой головы. Глаза ее были странными – огромные и голубые. Полностью, совсем голубые! Без белков!

Мама потом сказала, что девочку купили и раскрасили так, как им хотелось. Кому «им»? Она не пояснила. И глаза ее при этом были влажными и блестящими, а руки сжимались в кулаки, как перед боем. Плохое это место – Клуб. Очень плохое. Даже хуже Отстойника.

...Уже когда подходил к намеченной точке, услышал знакомый звук. Вначале – удар! Будто кто-то жажнул по борту корабля увесистой железкой.

Потом стонущий, утробный вой, будто сама планета мучилась, страдала, стонала, обнаружив, что с ней сделали эти негодяи – люди.

Следом – шелестящий, потрескивающий звук, будто миллионы глайдеров одновременно вышли на патрулирование Дороги.

И вот он показался – черный диск, под которым в антигравитационной ловушке висит громадный цилиндр. Мозг тут же классифицирует: «Транспортно-пассажирский лайнер, класс «Омега». Пятьсот пассажиров, пять тысяч тонн груза. Выпускается около ста лет, удачная конструкция звездолета, часто используемого для доставки десанта, если трюм переоборудуется под перевозку войск. Тогда вместимость судна увеличивается до трех тысяч человек».

Мелькнула эта мысль и ушла. И тут же пришла другая: «Он НЕ ТУДА его опускает!»

А ноги сами по себе метнули тело вперед – может, выгорит дело? Может, успеет? В таких судах нередко бывают очень хорошие находки! Например, спрятанные по тайничкам бластеры, брошенные энергоблоки к лучевикам и трофейные игрушки вроде лучевых ножей, виброножей и даже боевые дельта-комбинезоны, мечта любого мусорщика! Они выдерживают удар ручного бластера! Снижают воздействие радиации в несколько раз! А в некоторых даже имеется аптечка! Редко конечно, но бывает.

И стоят эти комбинезоны – не чета какому-то там энергонакопителю – это целое состояние!

Надев его, можно попасть в корабли, которые наглухо закрыты даже для таких, как Ник, – уровень радиации там такой, что не выдерживают даже мутанты. А вещицы-то ценные там имеются! И пускай они страшно фонят – какая разница? А деактиваторы на что? Обработают, положат суток на трое – вот и нормальная вещь, стоящая денег.

Честно сказать, Ник по пальцам мог пересчитать тех, у кого есть такие комбинезоны. Всего у трех человек, только вот на кой черт они им нужны, непонятно. Все трое верховодят в бандах и уж точно не лезут в гиблые места за фонащим хабаром. Не нужны им непробиваемые комбинезоны!

А впрочем... как это, не нужны? Ник мыслил с позиции мусорщика, а ведь есть еще и бандитские соображения. Например, война между бандами за хабарный звездолет. Вообще-то, кто первый из банд его занял, тот и прав, но бывают уж очень хорошие звездаки, и на их разграбление слетаются все те, кто рассчитывает на большой куш. Вот тогда и случаются разборки с поножовщиной, со стрельбой из игловиков и ручных бластеров, с виброножами и вульгарными

железяками, подобранными с оплавленной почвы. Последняя такая битва произошла лет пять назад: две крупные банды сошлись над «трупом» такого же транспортника, каким-то чудом не разграбленного еще в глубоком космосе. Такое тоже бывает – посмотрят, что от звездолета осталась едва половина, и не заглядывают внутрь. А там чего только нет! Какого только барахла!

И пускай оно забрызгано кровью и перемазано человеческими останками – кровь, да и дерьмо, всегда можно смыть. Нельзя смыть только смерть, но покойников нечего бояться. Они не кусаются. Иногда, правда, заражают...

В той разборке погибли человек двадцать. Славная была битва! Мама по этому поводу сказала с нескрываемым удовлетворением, что, если бы банды и дальше продолжали так активно делить корабли, простые мусорщики вздохнули бы с облегчением – через месяц от банд остались бы только высохшие трупы...

И вот перед ним «жирный» транспортник! И кладут его рядом, всего минут десять бега! А место, где обитают банды и где обычно опускают корпуса звездолетов, как минимум в часе быстрого бега! Если поторопиться, он успеет пошарить в свежачке и, может быть, что-то найдет, успев ускользнуть до прибытия самых быстроногих бандюг!

Только бы еще шлюз был открыт и не торчал на самой верхотуре! Если наверху – тогда все, отбой. Чтобы попасть в шлюз, придется сильно потрудиться – липучки на руки и ноги, канат на край шлюза, потом веревочная лестница. Или можно использовать тот же антигравитационный рюкзак, если его как следует переделать. При достаточном умении его можно перепрограммировать так, чтобы он мог поднимать и своего хозяина. Дорого стоит эта переделка, да и срок службы рюкзака уменьшает, так что обычно этого стараются не делать. Вещь дорогая, зачем ее портить?

Нет, только бегом!

Бегом! Бегом! Бегом!

Громада тягача закрыла полнеба своим грузом. Транспортник мягко, очень мягко лег на почву, оттеснив в сторону малый разведывательный корабль класса «Жар», и полушарие исследовательского звездолета: «Наука-2».

«Наука» совсем старая, уже никто и не помнил, когда она тут оказалась. И была вычищена, можно сказать, до блеска. Все выдрали. Даже листы переборок. Когда-то строили дома Внешки из таких листов – другого материала и не было. Так-то никакой разницы, на Сирусе всегда жарко, даже слишком жарко, но все-таки жить в хижине, слепленной из листов стали, вырезанных из звездолетов, – это падение ниже низшего. Хотя чем лучше нынешнее положение жителей Внешки? Ну, дома, конечно, не стальные хижины, и что? Ведь люди в них те же, и жизнь их вовсе не лучше.

В лицо ударил горячий порыв ветра – пыль выше самых высоких кораблей! Глаза сразу запорошило, но Ник не споткнулся и дорогу не потерял. Он неплохо видел и в пыли, хотя чуть похуже, чем в темноте.

Вообще-то, как писали ученые, способность видеть в темноте появилось не потому, что у жителей Сируса более зоркие глаза. И видят они совсем не глазами, а мозгом, напрямую. Мол, проснулся в мозгу сирусянина какой-то участок, который отвечает за ночное зрение. «Ночное зрение» – это лишь название, для удобства. Точнее было бы назвать «мозговое зрение».

Впрочем, никто не знает, как точно назвать. И не знает, как это все происходит. Но оно происходит. И это не ультразвук. И не какие-то там лучи. Просто видят, да и все тут! В подпространстве видят? «Подпространственное зрение»? Гиперзрение? Наверное, так будет правильнее.

Тягач еще не успел уйти в зенит, когда Ник был уже на месте. Тягачи вообще медлительны, тем более такие огромные, способные унести и тяжелый крейсер, почти линкор, и супертанкер с пресной водой. В нем и экипажа-то всего три человека, зато имеются гигантские, мощнейшие планетарные движки и самое главное – антигравы, занимающие больше половины объема корабля. Вот эти антигравы и цепляют туши кораблей, притягивают их к корпусу тягача, чтобы тот, включив сверхмощные маршевые двигатели, прокалывающие пространство, перенес их на ближайшую планету-мусорку.

Кстати, Ник всегда удивлялся: неужели нельзя увеличить мощность здешних заводов настолько, чтобы они могли перерабатывать звездолеты сразу после их доставки на мусорку? Неужели надо так накапливать звездолеты, превратив планету в гигантскую свалку? Что, металла больше не нужно? Пусть вырастают в почву? Сгнуть-то они, конечно, не сгнут – это же звездолеты, их космическое пространство не взяло, бластеры едва проплавили – что им какой-то Сирус? Но

зачем валяться такому количеству сырья?! Глупо же!

На этот вопрос ему вразумительного ответа никто не дал. Ни мама, ни видон с его не очень-то многочисленными статьями о Сирусе. Никто. Совсем никто не дал ответа! И это тоже было странно. Почему люди не задумываются над такими простыми вещами? Неужели неинтересно?!

Как выяснилось, да, неинтересно. Тут выжить бы, так что не до каких-то там абстрактных рассуждений о правильности или неправильности. Вся жизнь людей на Сирусе – абсолютная неправильность с точки зрения гуманизма и логики. Чего уж говорить о производственном процессе? Возможно, люди звездного скопления устроили на Сирусе небольшое месторождение металла. Накапливают, понимаешь ли! Уже двойным слоем начинают укладывать звездолеты – вот как сейчас. Понадобится когда-нибудь – распилят все и в дело. А пока что хватает и этого количества вывозимого металла. На черный день пригодятся эти груды звездолетов!

Шаткая логика, конечно, но ничуть не хуже любой другой. Не предполагать же, что эти долбоособи просто плевали на свою работу и не увеличивают мощности лишь потому, что никому не хочется заниматься этим делом?! Хватает металла, да и ладно. А то, что мусорка могла бы давать металла раза в два больше, чем сейчас, – да кому какое дело? Мусорка! Да плевать на эту мусорку прямо сверху, с планеты Диктатора!

Но сейчас не о том. Сейчас главное – как попасть внутрь «нового» корабля?! Неужели шлюз окажется сверху?! Неужели не повезет?! Не может быть! У Ника же на этой неделе явная полоса везения!

Есть! Внизу! Слава тебе, Создатель, если ты есть на небесах! Или где ты там сидишь...

Ох уж эта мама с ее придумками! А правда, где сидит Создатель, если он есть? В параллельном мире? Напридумают же, лишь бы мозги задурить доверчивым девочкам и мальчишкам! Но мальчишки-то поумнее, точно.

Бегом в люк! Он до половины ушел в почву, приподняв ее каменистым валом. Тяжесть невероятная! В нем длины метров двести, не меньше! Толстенный цилиндр диаметром с пятиэтажный дом.

Итак, расположение кают? В голове тут же вспыхивает план – длинный коридор, рубка, каюты пассажиров, трюм. Трюм сейчас бесполезен, его точно выгребли, а вот каюты – самое оно!

Рванул в сторону дверь первой каюты... Есть! Щелкнула и открылась! Ох ты ж... они даже кровать не убрали! Противоперегрузочную кровать!

Что-то валяется на полу. Ботинки – размер огромный. Точно для инопланетника. Ни один сирусанин не сможет такие носить. Дальше, дальше! Скорее!

Шкаф. Закрыт. Рывок! Еще рывок!

Мышцы буквально закричали от напряжения, стальные мышцы сирусанина!

Замок инопланетного шкафа не выдерживает и с хрустом сдается. Дверь отскакивает в сторону... есть! Что-то есть!

Нагнулся, поднял... разочарование. Трусы. Женские трусы. Узкие трусики, непонятно какого цвета – в темноте все серое, белое и черное.

Еще трусики. Еще...

Нет, не на сирусанку, точно. Размер... мама бы в таких утонула! Ну и задницы у этих инопланетянок!

Проклятье! Еще какие-то тряпки... ничего дельного. Взять с собой трусы? Да на кой черт они нужны? Их все равно никто не сможет носить. Если только их как-то ушить... да к черту! Вперед!

Выскочил в коридор – к следующей каюте. Рванул – открылась. Кровать тоже на месте, только изуродовали – похоже, пытались наскоро вырвать и повредили. Торчат разъемы кабелей. Но к черту кровать! Все равно ему любая кровать бесполезна – раскручивать и снимать ее долго, тащить муторно, – этим пусть банды занимаются. А они ведь бегут сюда, бегут!

Шкаф, дверь дернул – рраз! Тут же отскочила. Не закрыта.

По углам – ага, есть! Все-таки удачная неделя! Энергоблок! Вроде бы для бластера! Исправный? Некогда посмотреть – в рюкзак!

Еще один!

Еще!

А это что за тряпье?! Сердце ухнуло вниз, затрепетало – комбез?! Неужели он, защитный комбез?! Нет, не может быть! Это было бы слишком. Слишком! Это даже нехорошо – когда слишком хорошо! Плохая примета!

В рюкзак, и бежать! По времени – сейчас они уже должны быть тут!

В коридор, и бегом к шлюзу. Ноги глухо стучат по металлическому полу, покрытому слоем мягкого материала, – это вам не военный корабль, тут комфорт! Хороший корабль, ох какой хороший! Полазить бы здесь как следует!

Странно – почему не выгребли дотла?! А может, и не странно? Кожу пощипывает, и стены корабля слегка светятся. Радиация?! Что, сильно заражен, побоялись тут шарить? Скорее всего! Поленились дезактивировать каждую вещь, вот и результат. Это просто сокровище!

Вынырнул из шлюза и... тут же нарвался на бандюг. Человек десять, разновозрастных. Молодые, взрослые и совсем юные, почти дети. Мужчины и женщины.

Женщин меньше, и все почему-то молоденькие. Запыханные, лица потные, злые. Взрослые, видимо, отстали – бежать пришлось быстро и долго. Все-таки они базируются далеко от этого места.

Ох, что-то они слишком быстро прибежали: неужели тут где-то, рядом болтались? Наверное... И почему Ник думал, что это его неделя? Что удача его не оставила?

– Стой! – Мужчина лет тридцати в защитном комбезе вышел вперед. – Это кто у нас тут?! Сынок шлюхи?

Ник почувствовал, как загорелось лицо. Кровь прилила к щекам с такой силой, что зазвенело в ушах и заломило затылок. Мразь! Какая мразь! Как же он ненавидит этого ублюдка Сегвара!

– Хорошей шлюхи, надо сказать! Дорогой! – Сегвар довольно ухмылялся. – Драл я ее! Любит она это дело, ох любит! Визжит – аж в Городе слышать! Только вот цену все-таки завышает – сто кредитов, за такие деньги можно девочку и помоложе найти! Лет тринадцати, а то и того младше! Хотя она и умелая, да! Обслужит – досуха высосет! Хороша, тварь!

Банда улынулась, захохотала.

– Слышал я, что померла. Или нет? Или ты посадил ее на цепь и сам трахаешь? А, Маленький Ник? Трахаешь свою мамашу? Я слышал, у вас дружная семейка! Спите вместе, трахаетесь вместе! Так чего застыл, как столб? Отвечай, когда тебя спрашивают!

Ник метнулся вперед так быстро, насколько мог. Он не был самоубийцей и не собирался отвечать на всю ту гнусную хрень, что нес Сегвар. Мразный человечек Сегвар. Просто грязь. Но достаточно влиятельная и опасная грязь!

Сегвар ждал нападения и мгновенно принял боевую стойку – неуклюже, но уверенно. Внешка, да и мусорка тоже ценили силу, ловкость и умение драться. Чтобы забраться на вершину бандитской иерархии, сколотить свою группу, Сегвару пришлось многим разбить башку, очень многим. Да и потом, когда другие банды пытались подмять, тоже немало пришлось потрудиться, чтобы отстоять свое место. Поэтому рассчитывать, что Ник может победить опытного, тридцатилетнего бойца, совершенно не стоило.

Но он и не собирался. Не добежав до Сегвара шагов пять, Ник вдруг резко изменил направление и прыгнул в сторону худого мальчишки своего возраста. Тот выглядел самым слабым звеном в цепи окруживших полукругом бандитов, и Ник рассчитывал прорваться через него. Что, в общем-то, ему почти удалось.

Ударом ноги Ник с ходу опрокинул парнишку, уклонился от захвата могучей женщины лет тридцати – широкоплечей, высокой, как мужчина, и, крутанувшись на ноге, всадил пятку в солнечное сплетение третьего – парня, похожего на Сегвара, только моложе. Того буквально приподняло над почвой и швырнуло на

бугор.

Дорога была свободна, и Ник со всей прыти рванул вперед, да так, как никогда в жизни не бегал! Рванул, зная, что никто из этих придурков его уже не догонит! Клокоча радостью: «Ну что, гады, съели?! Хрен вам, а не я!»

И не догнали. Догнал Ника заряд станнера, лишивший его сознания и выбивший дух. Ник как бежал, так и повалился навзничь – с открытыми глазами, вялый и сонный, как если бы ему вкатили здоровенную порцию снотворного. Станнер действовал мягко – он только лишал сознания и парализовывал часа на два – в зависимости от типа и способностей человеческого существа.

Что было дальше, Ник не видел и не чувствовал. И чувствовать начал только тогда, когда парализованные нервы начали отходить от заморозки.

Дикая, ужасная боль! Во всем теле! В ногах, руках! В животе! В паху! И это не последствия заморозки, точно! Ник знал, что после заморозки ощущения очень неприятны и напоминают то, как если бы ты отсидел ногу и в нее только что вернулась кровь. Но не боль! Не такая жуткая, дикая боль!

Несколько минут он лежал, пытаюсь блокировать, подавить болевые ощущения. Боль накатывалась волнами, захлестывала, гасила сознание, но Ник не позволял себе погаснуть.

Потом он услышал голоса. Они приближались, и скоро через красную пелену в глазах Ник увидел ноги нескольких человек, стоящих прямо перед ним. Увидел, и услышал знакомый голос:

– Гляньте-ка! Шлюхино отродье еще живо! Слушайте, а может, зря мы его просто поучили? Может, надо было его трахнуть? А что, белая задница очень даже хороша! Гладкий такой, как его мамаша гладкий! Только беленький, сахарок! Кто-нибудь хочет его трахнуть? Эй, Гарти, ты любитель мальчиков – хочешь его трахнуть?

– Да ну... я люблю чистеньких, пахнущих притираниями. А этот весь в крови, в грязи! И похоже, что напустил под себя! Ну его на хрен!

- Так любого - попинай его, и тоже под себя напустит! Вот какой брезгливый, понимаешь! Ладно, хрен с вами. Не хотите так не хотите. Братец, что с ним делать будем? Грохнем? Перережь ему глотку, если хочешь!

- Нее... этой суке белокожей так просто не подохнуть! Он меня знаешь как двинул?! У меня кишки до сих пор болят! Мразь белая! Отродье чужака! Щас я ему...

На Ника посыпались удары. Кто-то его пинал - ожесточенно, сильно, норовя попасть в самые болезненные места. Ник застонал, удары сыпались и сыпались - он уже не чувствовал отбитого паха, его лицо превратилось в сплошную онемелую лепешку, ребра болели все до одного, а в животе собрался огромный комок боли и тошноты. Хоть бы потерять сознание! Хоть бы не так - мелькнула у него мысль, но мозг отказался уйти в безвременье и только фиксировал нанесенные повреждения, словно какой-нибудь корабельный мозг во время дуэли с вражеским звездолетом.

Но все когда-то кончается. И это закончилось. Снова голоса:

- Добить?

- Да хрен с ним... сам сдохнет. Мараться еще об это дерьмо! Лень. Куда он денется - голый, без еды, воды и с отбитыми кишками? Оттащим его подальше, чтобы не вонял. Нам еще кораблем заниматься. И побыстрее надо - того и гляди гости нагрянут!

- Наша же территория? Какого хрена?

- Территория наша, да кусок слишком жирный. Чую, скоро нагрянут!

- Будем драться?

- Против всех не осилим. Придется поделиться. Но поторгуюсь! А пока никого нет - давайте-ка по-быстрому оттащим эту падаль и займемся делом.

- Может, его повесить где-нибудь на тропе? Мол, вот что будет с теми, кто на нашенькое рот разевает! За яйца его повесить!

– Некогда, говорю! Хмм... а идея хорошая, да. Можно будет потом повесить, как с делами разберемся. Все, все, тащите! Быстро!

Ник почувствовал, как его тащат, раздирая кожу об острые камни. Он был в сознании, но вроде бы почти в отключке. И в голове билась только одна мысль: «Ну, все! Теперь – все!» Боль была, но какая-то отстраненная, какая-то странная, тупая и... старая. Так бывает – болит голова, тупо, больно, неприятно, но терпимо.

Позвоночник сломали? Почему нет острой боли, какая была сразу, с самого начала? И нос, наверное, сломан... хлюпает, кровь льется...

Его бросили, спихнули в яму к старому буксировщику, до половины ушедшему в почву. Вокруг корабля образовалось что-то вроде канавы, и если бы климат Сируса не был таким сухим, в этой канаве обязательно накопилась бы вода. Но воды не было. Ее вообще из океана испарялось мало – он весь был покрыт толстым слоем водорослей, уберегавших влагу не хуже непроницаемой для воды металлопластиковой пленки. Парадокс – планета-океан, а воды в атмосфере так мало, что дождь – целое событие! Но иногда все-таки проливается смывающим все ливнем – и тогда можно подсобрать воды про запас.

Неизвестно, сколько лежал Ник. Полумертвый, но несдавшийся. Он не умел сдаваться. Вообще не умел. Так же, как его мать. А потому, полежав, он начал шевелиться, проверять, может ли ползти. И пополз.

А потом встал на ноги, чтобы проверить, может ли идти.

Может. Кости не сломаны. По крайней мере не все кости в ногах сломаны, а значит, может передвигаться. Должен передвигаться! Главное – не разбили колени.

Ник знал эти места. Он знал все тропки, которые вели мимо старых кораблей. Он знал проходы между кораблями, которых никто не знал. И потому, если Ник не смог бы спрятаться в этом лабиринте, было бы удивительно.

Его мозг работал будто сам по себе – выбирал дорогу, рассчитывал, куда шагнуть. Босые ноги, изрезанные в кровь осколками металла и камнями, уже не

оставляли следов – кровь запеклась, превратившись в грязно-коричневую корку, так что выследить его теперь было бы проблематично. Да Ник и сомневался, что кто-то будет его выслеживать – зачем? Им главное хабар, а то, что недобитая жертва сбежала, ничего не значащая чепуха.

Но, вообще-то, происходившее сегодня было странным. Избить, ограбить – да, бывает. Но чтобы убивать простого мусорщика, забравшегося в корабль, опередив остальных? Раньше такого не было. Хабар бы забрали, да, но чтобы забирать даже одежду?! Где это видано?!

Правильно мама говорила – все меняется. Что-то уже изменилось. И добром это не кончится. Дело идет к тому, что ни одного свободного мусорщика уже не останется. Только банды. Или – одна банда, которая подомнет под себя всю мусорку.

Вроде бы такое уже бывало – не раз и не два. Ник читал о подобном по видону, проскальзывали статьи на эту тему. Но, вообще-то, все это всегда заканчивалось одним и тем же – банда распадалась, главарей кто-то убивал. И почему это происходило, догадаться нетрудно. Зачем Внешке одна единая банда, которая будет диктовать свои условия сразу всем скупщикам? Мусорщик-одиночка и цену может пониже сделать, и отдать вещь совсем за бесценок, не зная ее подлинной цены. Банда на такое не пойдет никогда. А значит, прибыль упущена. И значит, объединение, укрупнение банд Внешке совершенно не нужны.

Это не он придумал, это мама ему говорила. Ну и сам читал, да.

Шаг, еще шаг... еще... Ватные ноги несут его вперед, и довольно резво. Не бегом, но уже быстрым шагом. Тело болит, горит, как если бы его ошпарили кипятком, но живое. Пока живое.

Он добирался до своего «дома» несколько часов. Круглым путем, запутывая следы, опасаясь привести преследователей к надежному логову. Голый, в крови, грязный и несчастный. Ник запрещал себе думать о том, что потерял все – и одежду, и обувь. Даже видон – и тот потерял. Теперь придется покупать. Хорошо еще, что есть деньги на счету, а если бы не было?! Если бы не было, пришлось бы брать в кредит у того же скупщика, заплатив за видон пятикратную цену, и отрабатывать эти деньги долгие, долгие месяцы и годы. Обычный видон стоит триста-пятьсот кредитов, скупщик продал бы его за полторы-две тысячи. За

риск! Отдать деньги мусорщику, который может в любой момент пропасть в недрах мусорки? Просто так? Нет уж... риск должен быть осмысленным. Риск должен что-то приносить! Точнее, не «что-то», а хорошую прибыль, иначе и рисковать не стоит!

Но самое обидное, от чего Ник просто хотел рыдать – рюкзак! Антигравитационный рюкзак! Тот, за который они с мамой вывалили столько денег! За который отработывали целый год! Гады и его забрали!

Мрази! Твари! Чтоб он взорвался у них на спине! Чтобы он унес их на высоту и там сломался!

Ох, до чего же обидно... черт подери! Нет, не ожидал Ник такого. Ну да, банды всегда были недовольны, что кто-то их опережает. Но он всю свою жизнь провел на этой территории! Это не та территория, на которую принимают «свежие» корабли и которую банда объявила сферой своего влияния! Это же несправедливо! Ну, забрали бы хабар, так зачем раздевать догола?! Зачем отбирать последнее?!

И, кстати, откуда Сегвар взял станнер? Где-нибудь нашел? Вряд ли... хотя всякое бывает. Купил, наверное. Вообще-то, Внешка не любит, когда кто-то имеет на руках боевое оружие, уж не говоря про Город! Руками дерись, ножами тоже можно. А вот боевым оружием – это только для Города. И охранников. Так что станнер в руках бандита – это неправильно со всех сторон.

Когда забрался в свое логово, сил хватило только для того, чтобы притащить мамину постель. Он ее давно не трогал – от постели плохо пахло... мама, когда умирала, уже не могла себя контролировать. Но теперь ему было все равно – лишь бы подстелить под себя, а пачкать хорошую постель не хотелось. Так что плюхнулся на дурно пахнущий матрас и забылся тяжелым, болезненным сном. Единственное, что сделал перед этим, – достал Шарик и прижал его к груди. А потом положил под щеку, коснувшись гладкой, теплой поверхности окровавленными губами. И уснул.

Снилось Нику, что он здоров, что на нем тот самый ужасно дорогой комбез, который нашел в пассажирском транспортнике, и что рюкзак у него никто не забирал.

А еще – Шарик носится вокруг, веселый такой, шустрый! Как маленький звереныш, которого Ник видел на экране видона!

Во всех мирах у людей принято брать в дом каких-нибудь зверьков. Некоторые несут охранную службу – подают сигнал, когда появляются чужие, или даже набрасываются на них и кусают.

Другие просто живут с людьми, и те гладят их по шерсти или по гладкому бесшерстному боку – и людям это доставляет радость.

Ник понимал такое – он и сам был бы не прочь завести себе зверюшку, с которой можно поговорить и которая так сладко сопит в подмышку. Но это дорогое удовольствие. Домашние зверюшки есть только в Городе, и то не у всех. В отличие от домашних роботов, с успехом заменяющих этих живых существ. Но робот – совсем другое. Живое существо у тебя в доме – это только для богачей, это престиж, это признак того, что ты чего-то добился в жизни.

А еще приснилось, что мама жива. И живет он с ней... нет, не в Городе! В другом месте! У них красивый дом на гравиплатформе, который парит над океаном! Да не над этим мерзким, зеленым, воняющим дерьмом и покрытым зелеными пузырями – нет! Над океаном голубым, чистым-чистым, прозрачным, с белым песком пляжей, с лодками, которые качаются на его волнах!

И лодки – не какие-то там глайдеры, трещащие, искрящие разрядами, а настоящие старинные – с парусами, веслами – все, как видел Ник в фильмах видона!

И остров! Остров, весь покрытый зеленью! Нет, не тухлой зеленью Сируса – это настоящие деревья! Огромные, красивые, а между ними – цветы. И бегают среди цветов Шарик – круглые такие, мягкие, и мама гоняется за ними и хохочет, весело, залиристо! И под ее босыми ногами взмывается песок... и жарко, солнце, пахнет чем-то сладким, вкусным... так пахнет настоящее, не из конвертора, печенье! Ник пробовал такое – мама купила настоящей муки, настоящего сахара, еще чего-то, а потом испекла им печенье. И они откусывали по маленькому кусочку и мечтали о том, как заработают много денег и купят себе проход в Город! И станут там жить. А может, вообще улетят с Сируса! Будут купаться в море, загорать на солнце, и никто, никто не посмеет их выгнать!

А может, и не мечтали. Может, и не было никакого печенья. Может, Ник это все придумал... Может, ему просто хотелось вот так – сидеть с мамой, откусывать кусочки печенья и мечтать.

Они никогда так не сидели. Потому что не могли себе позволить ни настоящей муки, ни сахара, и даже печки у них не было, в которой можно испечь это самое печенье.

Нику во сне стало так горько, так больно... даже во сне он не может забыть, что все это только сон! Даже во сне! А мамы давно уже нет...

Он застонал, и слезы, которые нельзя было выжать из него бодрствующего, даже если резать его или жечь, потекли из-под прикрытых, затекших от кровоподтеков век. Ник еще сильнее прижал к щеке Шарик, и ему вдруг показалось, что тот лизнул его в щеку, как маленький зверек. Теплый такой, родной зверек, которого хочется гладить и гладить...

И тогда Ник вдруг улыбнулся рассеченными, опухшими, черными от побоев губами и крепко заснул – снова заснул, на этот раз без снов и кошмаров.

Впрочем, уже давно для него сны и кошмары были одним и тем же понятием. Когда живешь в Аду, тебе не могут присниться хорошие сны. Только кошмары.

Когда проснулся, мгновенно все осознал. Все – от первой до последней минуты вчерашнего дня. И душу стянуло холодной ненавистью и безнадеей – все, конец! Не надо было бегать к «свежачку», ну знал же, что там точно окажутся банды, знал! Пожадничал! Рискнул! И что теперь? Ну вот что – теперь?! Рюкзака нет, видона нет, даже одежды и ботинок нет! Да черт с ней, с одеждой... обычное пластиковое барахло, есть запасная. И видон за полтинник купит, пусть и старый – ерунда! А вот рюкзак! Ох ты ж беда... вот это беда!

Твари! Ну какие твари! Эх, бластер бы... какой-нибудь бластер! Всех бы положил. Вот ей-ей – всех! И не жалко. Никого не жалко. Что там они хотели? Привязать его? Чтобы висел и подышал? Ах вы мрази! Мрази! Мрази!

Ник в бессильной ярости сжал кулаки и ойкнул от резкой боли. Посмотрел – пальцы распухли, были черными, страшными. Топтались по ним? Скорее всего... Беззащитного избивали. Просто ради удовольствия! Нелюди!

Ник со стоном откинулся на матрасе и сморщился, ощутив неприятный запах, идущий от ткани. Тогда он заставил себя встать. Уже стоя на ногах, пусть и нетвердо, но все-таки вполне уверенно, уцепился за матрас и с силой потянул на себя. Потянул и выбросил в коридор. Давно надо было выбросить, но почему-то жалел. Мама на нем спала! Сентиментальный болван...

Закончив похороны матраса, вернулся, нашел старую рваную рубаху (истрепал, когда лазил по кораблям), оторвал от нее приличный кусок. Подошел к бутылки с водой, открутил пробку, аккуратно плеснул в тряпку, сморщившись от боли и жалости. Не к себе жалости – воды было жалко. Чистая вода! Денег стоит!

Начал аккуратно, сипя сквозь зубы от боли, дергаясь, обтирать тело.

Во-первых, если не продезинфицировать раны, запросто можно умереть.

Во-вторых, мама приучила его к чистоте. Даже когда у них не было денег, когда настроение опускалось ниже самой низкой ямы, она не позволяла расслабиться. Опуститься. Зарасти грязью. Ник ругался с ней, плакал, убежал куда глаза глядят – она его ловила, утешала, нашептывая на ухо ласковые слова, осушала слезы губами... а потом раздевала и мыла, не обращая внимания на дрожь, на несчастный вид, на отчаяние сына, приводившего все новые и новые аргументы на тему: «На кой черт нужна эта чистота, если все равно тут сдохнем?! Какая разница, грязные мы или чистые?!»

Даже когда болела, требовала чистой воды и тряпочку и, выгнав сына из своей каюты, обтиралась насколько могла... пока могла. А когда уже умирала, попросила, чтобы Ник ее расчесал. Горячими губами шептала, что не хочет умирать некрасивой.

Ник ходил во Внешку. Просил аптечку. Просил лекарства. Ходил к скупщику, с которым он и его мать работали долгие годы. Но скупщик сказал, что аптечки у него нет. И что вряд ли он ее найдет и тем более что вряд ли кто-то ему ее даст. И все, что он может, – это дать антибиотики. Немного, в долг, и только потому, что Ник ему нравится. И что мать его была великой искусницей в сексе, и грех терять такую красивую и умелую женщину.

Ник взял антибиотики. Хотя ему хотелось убить скупщика. Очень хотелось. Но, кстати сказать, тот его даже внутрь лавки не впустил – разговаривал через экран на двери. Боялся поймать заразу. А может, и другого боялся. Отчаявшиеся люди готовы на все. Совсем на все! В том числе и на убийство.

Тогда Ник пошел к тем богатым людям, кого знал. К тем, у кого могла быть аптечка. Но они, как только слышали, что мать заболела и умирает, с ним и разговаривать не хотели. Хотя Ник был готов на все. На все, что они когда-то предлагали. Совсем на все.

В конце концов, его выпроводили из Внешки – патрульные охранники. Им стукнули, что по улицам бродит потенциальный разносчик заразы, и охранники едва его не пристрелили. Пристрелили бы, но он так резво помчался прочь, что старший группы остановил напарника, сказав, что, если парень может с такой скоростью улепетывать от опасности, он точно не болен. А значит, и никакой заразы в нем нет.

Спорный вопрос, конечно, но какой-никакой аргумент. Старший группы некогда потерял любимую женщину, которая заболела лихорадкой, и мальчишка вдруг напомнил о ней. Пусть живет. Выживет – его счастье.

Патрульный знал, что искал парень. И знал, что найти аптечку нереально. Ни за какие деньги. Говорят, что Город нарочно не продает их во Внешку, хотя ходили слухи, что у самых богатых жителей Внешки они есть. Но ведь они не обязаны делиться с соседями...

...Закончив, Ник быстро осмотрел себя на предмет первоочередных в лечении ран. Как это ни удивительно, если не считать черных, страшно выглядевших гематом да уже подсохших, не представлявших опасности царапин на ступнях, ничего угрожающего жизни он не увидел. Никаких открытых переломов, никакой разорванной кожи с обнаженной плотью. Попинали хорошенько, да, но, в общем-то, все обошлось вполне терпимо. Возможно, внутренние органы еще дадут о себе знать – отбитые почки, печень, но по крайней мере внешняя оболочка не очень повреждена. Он ожидал гораздо, гораздо худшего!

И ребра целы. Мама всегда удивлялась его выносливости и способности переносить всяческие падения и ушибы без особых последствий. Говорила, что в его случае мутация зашла настолько далеко, что его кости стали стальными, а

мышцы, сильные и упругие, гасят удары с надежностью силового поля. И потом деловито щупала ребра, нарочно втыкая в них сильные пальцы, зная, как Ник боится щекотки. И они хохотали так, что из глаз текли слезы.

Нет, правда, в этом что-то было. Шутки шутками, но Ник знал за собой такую особенность – восстанавливаться быстро, не так, как другие люди, и выживать там, где никто не мог бы выжить. Наверное, лихорадка его не убила вовсе не потому, что отец – иномирнин. Просто вот такой он, Ник. Мутант. Урод!

Но все тело болит. Гематом столько, что кажется, будто его раскрасили черной краской. Посмотреть бы еще на лицо, но... видона нет, а значит, и зеркала тоже. В видоне было и зеркало, и информация, и развлечение. Теперь ни фильм поглядеть, ни информацию раздобыть... И что делать?

Спать, конечно. Отлеживаться. Пока не поздоровеет настолько, чтобы можно было дойти до Внешки. Там купит видон. Но не раньше, чем лицо очистится и опухоли сойдут. В таком виде Ника первый попавшийся патрульный пристрелит, решит, что мусорщик болен какой-то страшной болезнью. Рисковать не будет, точно.

Нашел запасную одежду, надел. Ей-ей, мама была права – чистым даже болеть легче.

Теперь нужно поесть. Оно вроде и не очень хочется, но надо! Точно – надо! Организм должен восстанавливаться, а за счет чего? Есть самого себя? Лучше пусть псевдомясо ест, а мышцы Нику еще пригодятся!

Виброножа не было, пришлось рвать упаковку зубами. И кусок псевдомяса – тоже. Упругое, скользкое, оно походило на настоящее вареное мясо, но... не все то, что выглядит как мясо, им является. Набор микроэлементов, жиров, углеводов, белка и соли. Все, что необходимо. Вкусно и полезно! По крайней мере, так говорят ученые. Заставить бы их жрать эту гадость – неделю, месяц, год, десятилетия! Что бы тогда они запели?

Пока ел – спохватился: а где Шарик?! Куда Шарик делся? Ах вот он, у стены! И как там оказался? Видимо, когда Ник выбрасывал матрас, Шарик попался под ногу. Пнул его, сам не заметив этого. Хорошо, что он не таскает Шарик с собой – теперь бы и его лишился.

Подобрал, кряхтя, морщась от боли в разбитых ногах. Шарик был весь вымазан в крови, просто покрыт засохшей коркой крови. Вспомнил – Ник, перед тем как свалиться, прижал его к щеке. Вот и вымазал по самую макушку!

Покатал в руках... гладкий... приятный... теплый... Стоп! А это что такое?! Как могло произойти подобное?

Приблизил Шарик к глазам – точно! Он теперь не шарик! Похоже на то, как если бы кто-то взял и отрезал от него кусочек! Чисто так отрезал, виброножом! Получилось эдакое донышко, на которое Шарик можно ставить, чтобы не укатился!

Вскочил, забыв про боль, – неужели кто-то все-таки пробрался в его нору? Неужели нашли?! Испортили Шарик, твари?!

Посмотрел вокруг, под ногами – может, где-то валяется кусочек? Ну тот, отрезанный? Нет. Ничего такого не видно.

Стал рассматривать Шарик повнимательнее. Все вроде так, как было, но... Шарик стал чуть больше?! Вырос?! Точно, прибавил в диаметре! Он вырос!

Сел на матрас, задумался. Что такое Шарик? Что он вообще о нем знает? Ничего. Может, это какой-то особенный робот? Ну, самоорганизующийся? Зародыш робота. Ник читал о чем-то подобном. Хранят их как семена, в специальном отсеке. А потом каким-то образом активируют, и роботы начинают строить сами себя!

То есть что получается, Ник активировал робота?! Вот ведь чертовщина! А если это боевой робот? Кольнет Ника ядовитой иглой, и все, кончился Ник!

Ну нет! Шарик добрый! Шарик хороший! Ник это знает! Точно знает! Он не может обидеть своего друга! Хозяина? Нет, не хозяина, именно друга! Как можно владеть разумным живым существом? Это неправильно! А Шарик разумный. Он Ника любит! Кстати, надо и Шарика покормить.

Ник вдруг хихикнул, и губы его невольно растянулись в улыбке. Он давно не улыбался, с тех самых пор, когда мама была жива. Вообще не улыбался. И вот –

на тебе! Улыбка! И лучше бы этого не делал – губы треснули, и капли крови покатались прямо на Шарик!

Показалось? Шарик вроде бы дрогнул в руке. Показалось... Положил его на пол... поставил на пол.

Теперь его можно ставить. А что – удобно! Раньше мог укатиться, пол-то с небольшим наклоном, а теперь не укатится. Теперь спокойно стоит!

Потрогал нос – болит! Пошевелил... вроде не сломан. Просто распух. Глаз видит – оба глаза видят. Опухоль даже немного спала.

Да ладно – надо все-таки поесть! Больно только... вот ведь вздумал улыбаться, а?! Раны разбередил!

Укусил пластину псевдомяса и еще раз порадовался, что не выбили зубы. Вырастить новый зуб во Внешке нельзя. Можно поставить протез, но стоит это огромных денег. Год надо работать за такие деньги! Это ему – год. Банда, небось, за один день такие деньги делает.

Ну что бы ему не пойти в банду? И деньги бы имел, и покой! Ну... сравнительно – покой. Пока с другой бандой не сцепились. Они частенько разборки устраивают.

Только вот не хочется исполнять приказы какого-то придурка. А в том, что во главе любой банды стоит кровожадный придурок, Ник не сомневался. Иначе и быть не могло. Кто, кроме кровожадного придурка, сможет подмять под себя всех вокруг? Заставить делать то, что ему хочется? Только совершеннейший негодяй. А Ник не был негодяем. И в банду не хотел.

Шарик, тебя покормить? А что, может, ему тоже нужно питаться?

Откусил кусочек мяса, положил на стол, поднял Шарика и поставил его рядом. Ешь, дружище!

Так... а попить? Шарик должен попить! Какое мясо без питья?

Аккуратно налил воды в плошку, прямо перед Шариком. Снова ухмыльнулся – осторожно, стараясь не разбередить раны на губах. Потом медленно, глядя на Шарика, дожеввал пластину мяса, запил водой из бутылки. С трудом пошло внутрь. Есть не хотелось ну просто совершенно! Однако вроде бы стало легче, и тут же захотелось спать. Организм защищался от боли, а кроме того, именно во сне он и восстанавливается. Так что все нормально.

Улегся на матрас, подложив под голову надувную подушку, и уткнулся взглядом в Шарика. Тихонько улыбнулся (в который уже раз! Что с ним такое?!), закрыл глаза. И «внутренние» глаза – тоже. Уснул.

Опять снился киношный пляж с белым песком, хохочущая мама, а вокруг нее скачущие и летающие Шарик. Они прыгали по песку, тыкались в ноги, брызгались водой, и было это так хорошо, так весело, что не хотелось просыпаться. Остаться бы во сне навсегда! Насовсем! Неужели так нельзя?! Ведь где-то этот сон существует! Наверное, существует. И мама где-то жива. И ничего не болит...

Очнулся, будто кто-то ткнул его в бок. Сел, не понимая, что случилось и почему вдруг вскочил – только что бегал по песку, со смехом отбиваясь от Шариков, и вот...

Стук!

В бок что-то ткнулось, ударило! Не больно, но ощутимо, Ник даже невольно вскрикнул от неожиданности:

– Ай!

Вскочил, отбежал в угол – да что же это такое? На Сирусе нет никакой живности, кроме той, что принесли с собой люди! И та – только в Городе! Но что-то двигается, точно! Что-то светлое, можно сказать, белое. Оно останавливалось, потом подскакивало и снова двигалось вперед. Пролетало метр, не больше, падало на пол с глухим стуком, вновь поднималось – и все это делало по направлению к Нику!

Ник попятился еще, но отступить было некуда – уперся спиной в переборку. Тогда потихоньку двинулся к выходу, фиксируя взглядом непонятный объект. А

тот сделал еще прыжок, как-то неуклюже запнулся, перевернулся в воздухе и, шлепнувшись на пол, подкатился к замершему Нику.

Ник узнал ЭТО! Шарик! Это был его родной, его любимый Шарик!

У Ника отлегло от сердца. Нет, ну надо же так напугать! Черт подери, чуть в штаны не напустил! Ведь тут не может быть никого такого, совсем никого! Нет на Сирусе мышей или крыс! Нет даже червей и букашек! Вообще ничего нет! А значит, все, что шевелится, все, что неизвестно, – это опасность, потому что попасть сюда оно может только с боевого корабля! А боевые корабли ничего хорошего принести не могут. Ничего хорошего от них не дождешься!

Встал на колени, поднял Шарика, поднес к глазам. Глупо, конечно, – кажется, что, если поднесешь ближе, станет лучше видно. Обман. Ничего не лучше. Что за сто метров, что в десяти сантиметрах – четкость та же. Однако привычка есть привычка.

Ну вот он, Шарик. И что? И ничего! Гладкий весь, донышко тоже гладкое... никаких следов того, что он только что прыгал.

Кстати, а как это прыгал?! Каким образом?! Ног-то нет! И щупальцев нет! Шарик со срезанной попкой – вот и все!

Шарик вдруг засветился – это самое донышко вдруг стало явственно мерцать голубым светом! И руку Ника кольнуло. Антигравитация!

Ник выронил Шарика, отшатнулся назад... и тут Шарик прыгнул вперед, врезался Нику в живот так, что тот икнул, согнулся, прижав руки к животу:

– Ай! Ты чего?! Больно же!

Когда отдышался, обнаружил, что Шарик устроился в складке штанов и тихо лежит, не подавая никаких сигналов и не дергаясь. И тогда Ника вдруг разобрал смех – на «коленочки» забрался! Пригрелся, понимаешь ли! Как зверьки из фильма! Или как ребенок на коленях у матери!

– Есть хочу! – вдруг пискнуло в голове Ника. – Пицца! Вода! Есть хочу!

Теперь Ник не просто остолбенел. Он... не дышал минут пять! Или десять! Или полчаса – насколько хватило! И только когда в глазах потемнело и заболело в груди, опомнился и с присвистом, едва не теряя сознание, задышал. Грудь ходила ходуном, он как-то сразу вспотел, и на лбу выступили крупные соленые капли.

Шарик снова выпустил пульсирующее голубое облачко, взлетел с колен Ника и на несколько секунд завис в воздухе:

– Кушать! Пища! Вода!

И плюхнулся назад. Хорошо, что Ник успел его поймать, иначе бы получил по самому интересному месту увесистым круглым предметом, весом не меньше пяти килограммов. Ну да, Шарик был очень, очень увесист! Врезать таким себе по черепу – и можно забыть обо всем плохом. И о хорошем тоже. Проломит череп запросто.

– Пищу тебе? Ну, пойдём! Покормлю тебя! – Голос Ника прозвучал странно в закрытом объеме пустой каюты. Он уже давно ни с кем не разговаривал, даже с самим собой.

Ник вдруг понял, что ему показалось в Шарике странным. Нет, не голубое свечение, похожее на поле антиграва. Шарик был чистым! А ведь только недавно на нем темнела корка крови! Его, Ника, крови! И когда он успел очиститься? И главное – как?!

Сердце вдруг засбило: «Тук-тук, тук-тук!» Резко трепыхнулось не так, как бывало обычно. Сердце у Ника отличное, молодое! Ошеломила мысль: Шарик кровь съел!

Да черт подери... он что, людоед?! Сейчас набросится, протаранит, а потом станет пожирать?!

– Брат... еда! Пить! Создатель!

– Да черт возьми! – выругался Ник, недоверчиво помотав головой. – Это я-то Создатель?! Вот только в боги меня не надо записывать, ладно? Ты всего лишь

слизал мою кровь! Всего-навсего! А меня не сожрешь? Кстати, ты кто? Робот? Живое существо? Кто ты?

Молчание. Потом пришла мысль: «А может, Шарик умирает от голода? А я его тут допрашиваю?! Его надо покормить! Вот только чем?!»

И правда, чем кормят такие шарики? Кровью, конечно! Отдавать свою кровь на кормление Шарик Ник был совершенно не готов. Нет, немножко можно накапать... совсем немножко. Но ведь не каждый же день! От такой мысли кровь стыла в сосудах и отказывалась их покидать!

А что он еще ест? Так... эх, и дурак же он! Нет, не Шарик – Ник дурак! Он же кормил его сегодня! Уже кормил! И не кровью (хотя кровь тот точно слизал, это уж и в видон не смотри), он его мясом кормил и водой поил!

Схватил упаковку мяса, сорвал защитную полоску, мясо тут же нагрелось, стало теплым, сочащимся псевдожиром. Ник обычно ел мясо холодным, но почему бы и не разогреть? Положил мясо на стол, посадил Шарика поближе. Подумал, взял бутылку с водой и наполнил плошку. Готово. Что теперь скажешь, кругляш с обрезанной попкой?

Ничего не сказал. Но только Ник вдруг почувствовал такую волну благодарности, такую волну радости, идущую от Шарика, что неожиданно для себя рассмеялся, довольный и веселый. Ему было хорошо!

А потом стал смотреть, как же это странное существо (или все-таки робот?!) начнет поглощать пищу.

Шарик не двигался, не чавкал и вообще не подавал никаких признаков жизни. Только через минуту вдруг как-то... рраз! И мяса не стало. Ник присмотрелся – вода тоже исчезла.

А потом «донышко» Шарика засветилось голубым светом, таким пронзительным в темноте корабля. Он зажужжал и начал радостно носиться над полом – туда-сюда, туда-сюда! Глаза Ника не успевали следить за его перемещением, настолько тот был быстр и ловок. Наконец, будто утомившись, снова подлетел к Нику и улегся ему на колени. Мол, полетал, да и хватит, пора бы и поспать!

Ник осторожно улыбнулся, чувствуя, как натягиваются раненные губы, и погладил гладкую поверхность то ли прибора, то ли робота, то ли зверька. Не выпуская тяжелое существо из рук, встал, подошел к своему матрасу и, облегченно вздохнув, опустил на него, блаженно распуская уставшие мышцы. Тело болело, отбитая грудь ныла, немного подташнивало – видимо, сказывалось сотрясение мозга. Но Нику все равно было хорошо. Он теперь не один! У него есть... друг! Друг!

Ник покатал это слово на языке, повторил несколько раз: «Друг... друг... друг...» и снова улыбнулся. Что бы это ни было, но оно Ника любит. Как... как – мама. Как... брат, которого у него никогда не было и не будет.

Однажды он спросил маму, могла бы она еще родить? Найти себе мужчину, родить сына или дочь, зажить нормальной жизнью... Мама посмотрела на него странным, отсутствующим взглядом и грустно сказала, что ей никого не нужно, кроме того космолетчика. И его, Ника. И она даже представить себе не может, чтобы родить от какого-то другого человека. И еще – разве он видит где-то рядом кого-нибудь, достойного своей мамы? Достойного настолько, чтобы родить от него сына?

Ник честно сказал, что такового не наблюдается, потому что вокруг урод на уроде и он с ними не то что жить, а погадить на одном квадрате территории не сел бы.

На том все и закончилось. Аргументы мамы были просто убийственны. А родить она бы могла, это точно – он видел, как мама принимала специальные пилюли. Когда он ее спросил, что это такое, мама ответила, помедлив пару секунд, что это пилюли для профилактики вирусных болезней, которые опасны для жителей Города. И что Нику эти пилюли не нужны – он ведь родился уже во Внешке. Память у Ника замечательная, так что название пилюль он запомнил. А посмотреть о них в видоне – пара пустяков...

...Уснул, накрывшись тонким одеялом. Так-то на Сирусе не холодно, но под одеялом уютнее, да и ночью температура иногда может опуститься меньше двадцати градусов. А это уже прохладно.

Проснулся от того, что кто-то упорно тыкался ему в бок. Потрескивал, жужжал и тыкался, тыкался, тыкался!

– Пицца! Есть хочу! Пицца! – пропищало в голове Ника, и, сбрасывая сонную одурь, он вдруг подумал о том, каким образом Шарик с ним разговаривает. Ведь вслух он ничего не произносит!

Мыслепередача? Скорее всего, да. Штука не такая уж редкая, но... с применением специальных средств. А чтобы вот так, от существа к существу?! Впрочем, почему бы и нет? Все-таки он, Ник, мутант. Хотя и человек. Вдруг у него проснулись какие-то особые способности? Например, стал слышать мысли других людей! Хмм... людей? Разве Шарик человек?

Да кто знает, что такое «человек»... в Эру Космоса понимание этого слова сильно размылось. Во Вселенной бесчисленное множество планет с проживающими на них разумными существами, которые или очень похожи на людей, или вообще произошли от человека, попавшего в изменившие его условия. Ну, как сам Ник, к примеру. Разве можно говорить, что Ник не человек, если он выглядит как человек, думает как человек и все у него в организме человеческое! Даже слишком все человеческое... и сейчас пора бы это самое «все» из себя удалить!

Ник вскочил и почти побежал к дальнему концу коридора. Там они с матерью устроили туалет – с огромным трудом выкопали яму в почве и положили на нее стальные листы. Откуда взялась почва в корабле? А ниоткуда. Дыра тут была, похоже, результат удара мегабластера. Корабль давно просел под своей тяжестью, и тут образовалось что-то вроде колодца – небо было видно, если отойти подальше влево. И проветривание, и на голову ничего не насыплется – кусок отогнувшейся обшивки образовывал что-то вроде козырька. Ну в самом деле, ведь не наружу бежать за всяким таким делом? Да и демаскирует – любой догадается, что кто-то спрятался поблизости. Не стоит привлекать к себе лишнее внимание.

Тут же лежал ультразвуковой очиститель, который можно было использовать и для мытья всего тела. Только вот Ник, так же как его мама, предпочитал мыться настоящей водой. Приятнее, если есть такая возможность, конечно. Хотя и дорого.

Пристроился, прикрыл глаза – свет, падающий сверху, слепил. И тут же, почувствовав удар в спину, едва не свалился в яму!

- Пицца! Есть хочу! Пицца!

Блестящий белый шар, мерцая голубым сиянием, стал опускаться в яму. Прямо под Ника. Но тот взвыл дурным голосом и схватил Шарика:

- Нельзя! ЭТО - нельзя! Потом будет пицца! Домой лети! Домой!

Странно, однако Шарик послушался и, вырвавшись из рук, полетел вдоль коридора по направлению к каюте. Ник быстро «доделал дела» и тоже направился туда, недоверчиво мотая головой, - вот ведь чертовщина! Шарик, с которым он засыпал несколько лет, держа его в руке, - живое существо! Почему живое? Да потому, что никакой робот не будет есть и пить! Только живое! Ну... Ник так думает. Сколько бы он ни читал про роботов, никто из них не мог пить и есть. Они существовали или на электрических аккумуляторах, или на ядерных сердечниках. Да и глупо было бы - робот, и ест! Еще не хватало - сортиры для роботов! Смех один...

Шарик летал по каюте, явно разыскивал еду. Завидев Ника, метнулся к нему и снова завопил:

- Кушать хочу! Пицца! Пицца!

Ник невольно ухмыльнулся, подумал, подумал... и решил дать ему что-нибудь поскромнее. Не псевдомясо. Ну в самом деле, больно уж запросы велики! А что есть самому, если Шарик все слопает? Да тут с голоду подохнешь, пока сойдут синяки и сможешь появиться во Внешке!

Непроизвольно пощупал опухоль на щеке - нет, рожа еще та! В таком виде не стоит появляться на людях! Дня три еще, не меньше, нужно отсидеться. Кстати, удивительно, что физиономия уже не так сильно опухшая. А ведь прошло меньше суток после избиения!

Вспомнил, и от ненависти просто перекошило - ну, гады! Добраться бы до них! Хотя бы вибронож заиметь! Вибронож - такой аккуратный, с плоской рукоятью, с кнопочкой! Он тихонько жужжит и входит в тело, как... как в воду! Только брызги летят! Красные брызги!

Ника аж передернуло от предвкушения убийства безжалостных мерзавцев. Нет, он никогда еще не убивал. Но знал – рука его не дрогнет, если понадобится прикончить врага. Это же Сирус! Тут или ты, или тебя. И никак иначе!

Пока представлял, что режет гадов, не замечал, что Шарик тычется ему в ладонь. А когда заметил – опешил!

Как Шарик его держал – непонятно, только к его боку каким-то образом прилепился вибронож! Обычный, стандартный вибронож, и, похоже, что Ник знал, чей он! Это его нож! Он куда-то запропастился еще месяц назад, и Ник все перевернул в его поисках. И вот – он на боку Шарика!

– Ох ты ж... молодец! – Ник ласково похлопал Шарика по «макушке», взялся за рукоять ножа, и тот легко отделился от удивительного создания. Ник внимательно осмотрел вибронож, указатель заряда был на половинной отметке – да и немудрено. Давно уже лежит, солнца не видит. Полежать на солнце – восстановил бы заряд. Но это точно его нож, вон, на рукоятке знакомая царапина. Ник помнит, как выронил его в одном из кораблей прямо на острые осколки. Вот и поцарапал. Рукоятка из дешевого пластика, это не металлопласт, так что... вот.

И тут в голову пришла забавная мыслишка. Понюхал рукоять... тьфу! Точно! Вот откуда Шарик его принес! И вот куда делся нож месяц назад! Правильно мама говорила – никогда не клади в задний карман, потеряешь! Вот и потерял. Да еще и где...

Так. Ничего страшного. Помыть, продезинфицировать – ерунда, минутное дело! Зато теперь у него есть нормальный нож, а не то едва работающее безобразие, которое забрали эти гады.

Нет... надо что-то с ними делать. Как-то до них добраться! Войну объявить? Был бы бластер...

Стоп! А с чего это Шарик принес ему нож?! КАК догадался, что Нику позарез необходимо оружие?! Ведь Ник всего лишь ДУМАЛ о ноже! Мечтал о нем! И Шарик поймал картинку, образ ножа, и принес его!

И вот это очень, очень интересно! Может летать, может проникать в разные дырки в корабле, может обследовать... это ведь просто отлично! Это перспектива!

Только как ему растолковать, что нужно находить какие-то вещи? Картинки передавать? Ну да... так. Как иначе-то? «Шарик, найди мне бластер!»?

- Пицца! Кушать! Пицца!

- Иду, иду! - Ник шагнул к своему складу, взял початую бутылку воды, быстро обмыл нож. Потом достал резко пахнущее дезинфекционное средство, протер рукоять ножа и кисти рук. Поудобнее взял вибронож в правую руку, нажал кнопку. Силовое поле затуманило воздух над рукоятью, задрожало с легким шелестом, едва слышным даже в тишине корабля. Если сейчас рубануть этим почти невидимым «лезвием» по руке - рука отпадет так, что человек в первые секунды даже не заметит, что стал инвалидом. Силовое поле раздвигало и плоть, и камень, но, естественно, легче всего резало непрочную ткань человеческого тела. В камне «клинок» виброножа начинал верещать и швырять раскаленные искры. Проверено, точно. Этим виброножом Ник копал могилу маме. Вернее, вырезал куски грунта и вынимал их наружу. Хороший, исправный вибронож, которым и камни резать, и головы. Только бы добраться до этих голов!

Вскрыл пачку крупы, часть высыпал в плошку, полил водой. Через несколько минут такая крупа превращается во вполне съедобную, сытную кашу, пусть даже и не очень вкусную. Но во Внешке вкусная еда только у богачей. Остальные едят такую же кашу и псевдомясо. И ничего, живы! И радуются, если есть и такая еда!

Вообще-то, по большому счету и «каша», и псевдомясо - это одно и то же. Продукты, полученные из конвертора пищи. А каким образом они оказываются в конверторе? Получаются из стандартного продуктового порошка, который просто так есть нельзя, но в нем имеется все, что нужно человеку для еды. Этому чудо-порошку можно придать любой вид и вкус. Цена разная, но это уже из-за количества ценных вкусовых добавок, которые делают из порошка, - и псевдомясо, и кашу.

– Ешь, ешь, маленький поганец! – ухмыльнулся Ник, глядя на то, как Шарик усаживается рядом с новым блюдом. – Только больше погань всякую не заглывай! И вот еще что – ты бы не рос большим, а? Маленьким ты всюду пролезешь! А если вырастешь здоровенным? Таким, что не протиснешься и в дверь? Молчишь? То-то же! Ешь, ешь... хороший... хороший Шарик!

Ник снова улыбнулся и лег на матрас, подперев голову рукой. Ему было приятно смотреть на Шарика, который ловко управлялся с кашей, потрескивая полем антигравитации.

Впервые за долгие месяцы Нику было хорошо. Нет, все-таки здорово, когда у тебя есть напарник, друг, которому ты доверяешь! Например, такой, как Шарик!

– Ешь, ешь мой хороший! – сказал Ник, как когда-то говорила ему мама. – Не слушай меня! Рости большим и сильным! Мы еще им всем покажем!

Глава 3

Три дня Ник провел в своей «норе». Ел, пил, спал. Кормил Шарика. Тот был невероятно прожорливым и, если его вовремя не покормить, жалобно вопил, тыкался в бок, описывал вокруг головы Создателя всевозможные пируэты, иногда так близко подлетая к лицу, что казалось, сейчас врежется и «украсит» Нику и так уже пострадавшую физиономию. Однако этого не происходило, Шарик лишь аккуратно, совсем не больно и даже приятно прикасался боком к многострадальной голове Ника, и тому казалось, что боль тут же утихает.

А потом понял – нет, не казалось. Точно – утихает! И даже гематомы стали рассасываться так быстро, что Ник только удивлялся: даже при его способности регенерировать это было слишком невероятно.

Ник постоянно разговаривал с Шариком, не особо рассчитывая на ответ, хотя и знал, что Шарик может кое-что произнести. Например: «брат», «Создатель», «кушать», «пить». Шарик напоминал маленького человечка, способного только на самые необходимые слова вроде «мама» и «пи-пи».

Мама рассказывала, что первыми словами Ника были «мама» и «видон». И при этом заливалась радостным смехом, мол, «мама» он все-таки сказал раньше, чем «видон». Да оно и понятно, почему «видон»: что еще делать ребенку, запертому дома и ожидающему свою маму? Только посмотреть картинки по видону.

Может, поэтому Ник и вырос таким умным? Это уже версия мамы. Она никак не допускала, что Ник мутант, а его способности обусловлены лишь окружающей средой, пропитанной ядами и радиацией. И что он на самом деле такой же урод, как те, кто рождался без рук, без ног, без пальцев или мозга.

Таких тоже было более чем достаточно. Но их уничтожали во младенчестве, а если обезумевшая от жалости и горя мать пыталась скрыть уродца или чего хуже – защищать его с оружием в руках (с ножом, дубинкой, бластером) – и могли убить ее. Кстати, и обоснование этому было: производит уродливых мутантов. Опасна для общества. Даже закон такой издали. Совет постановил.

На четвертый день Ник собрался идти во Внешку – покупать видон. Ну и вообще, разведать, как там и что. Продуктов принести сколько сможет. Хотя бы килограммов двадцать. Без антигравитационного рюкзака, конечно, трудно, но что поделаешь?

Вот только сразу же возник вопрос: а как быть с Шариком? Если он полетит с Ником, его или убьют, или отберут! И скорее всего, первое. Поскольку все, что непонятно, на Сирусе принято уничтожать. На всякий случай. Чтобы беды не было. Мало ли что появится из чужого корабля? Где этот корабль валялся раньше? Обычные животные сюда вряд ли попадут: корабли дырявые, и космический холод выдержит только особенно стойкое существо, но... кроме живых существ, есть еще и псевдоживые, фактически роботы, которые могут выдержать космический холод практически вечно. До тех пор, пока их не разбудят. И конкретный пример – тот же Шарик.

Спрятать Шарика в одежде тоже нельзя: он весил сейчас больше пяти килограммов. Ни один карман не выдержит, да и штаны точно сползут. И что тогда делать?

Как только Ник попытался выйти из корабля-«дома», Шарик тут же полетел за ним, будто привязанный, и категорически отказался вернуться в каюту, ждать его в темном уголке. Ник понапрасну пытался передать ему мыслеобразами, что

нужно оставаться на месте и никуда за ним не тащиться. Но попробуй объясни ребенку, что маме (папе!) нужно ненадолго уйти и чтобы тот спокойно его ждал!

Ник помнил, как мама впервые оставила его дома. Заперла, долго уговаривала не плакать, смотреть видон и: «Мама скоро придет! Ты и соскучиться не успеешь!»

Ага... щас прямо! Когда она ушла, Ник бился о стену, колотил в прозрачное окно, рыдал и только часа через два успокоился и занялся приключениями космических рейнджеров, лихо громивших армады вражеских кораблей. Он тогда еще мало понимал в сюжете глупого сериала, но ему очень нравились картинки: стрельба, взрывы кораблей, уничтожение звезд. Он мог часами смотреть эти фильмы. Может, тогда у него и зародилась такая любовь к звездам? Вернее, не просто любовь – тоска по звездам...

В общем, оказалось, что Шарик весь в него и запереть его в каюте нет никакой возможности. Задвинутую дверь каюты Шарик с легкостью отодвигал, выказывая при этом завидную силу и ловкость. Видимо, упирался боком в дверную ручку. А замка на двери не было.

По большому счету идти во Внешку не было особой необходимости, разве только для покупки видона.

Честно сказать, Ник уже не представлял себя без видона. Это было что-то вроде его второго органа, что-то вроде запасного отдела мозга. Понадобилось тебе что-то узнать – влез в видон, сказал, что тебе нужно, или набрал на экране – видон тут же нашел.

Надо тебе отдохнуть, посмотреть какую-нибудь киношку – пожалуйста, можно даже в объеме. Если, конечно, позволяет сам формат фильма. На пару часов ты словно окажешься в другом мире, уйдешь от этой мерзкой реальности.

Ну и само собой, информация. Ника просто-таки подмывало влезть в базу данных и узнать, кто такой или что такое Шарик!

М-да. Мама говорила: «Видоновая наркомания». И была совершенно права. Впрочем, она и сама была такой. Тоже не могла жить без видона.

Ник вдруг вспомнил, что мамин видон остался рядом с ней, в могиле, и на секунду представил, как откапывает маму и достает у нее из куртки этот самый аппарат, и ему стало так тошно, что описать нельзя. Выкопать маму, чтобы отобрать у нее видон! Молодец, Ник, ты даже похуже бандита!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/evgeniy-schepetnov/musorschik-mechta>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)